

- [Из современных проблем Церкви](#)
  -
  - [КАК НАЧАЛАСЬ ПЕРЕПИСКА](#)
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ К САМИЗДАТСКОМУ ВАРИАНТУ ПЕРЕПИСКИ](#)
  - [Переписка прот. Александра Меня с о. Всеволодом Рошко](#)
  - [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
    - [Приложение 1. Переписка отца Александра с православной монахиней Викториной из русской миссии в Иерусалиме \(Московский Патриархат\).](#)
    - [Приложение 2. Письмо сестры Марии из монастыря св. Клары](#)
    - [Приложение 3. Письмо прот. Александра Меня к N](#)
    - [Приложение 4. Письмо прот. Александра Меня к Крестосу Самре](#)
  - [Алексей Юдин. ОБ ОТЦЕ ВСЕВОЛОДЕ РОШКО](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
-

Из современных проблем Церкви

Эта книга — переписка, письма, которые шли по почте в 1974 г. из Москвы в Иерусалим и обратно. Корреспонденты: известный православный священник и богослов прот. Александр Мень и о. Всеволод Рошко — люди различных христианских исповеданий и различного опыта. Обсуждаемые темы имеют общецерковный интерес и не утратили своей актуальности. Книга предназначена для тех, кому небезразличны богословские и практические аспекты деятельности Церкви в современном мире.

КАК НАЧАЛАСЬ ПЕРЕПИСКА

Наша семья приехала в Израиль в последних числах января 1971 г. Давая разрешение на выезд без права на возвращение, советские власти приказали оформить документы, собрать вещи и покинуть Россию за десять дней. Я все же успела съездить в Новую деревню в церковь на службу к о. А., чтобы причаститься и проститься с моим духовным отцом. О. А. назвал чудом милости Божьей полученное разрешение на выезд и благословил на отъезд и на жизнь в Святой Земле, и мы поговорили о возможных трудностях устройства моей духовной жизни в Израиле.

Отец А., попросив запомнить наизусть адрес, посоветовал написать Ирине Михайловне Посновой, стоявшей во главе католического издательства религиозной литературы на русском языке «Жизнь с Богом» в Брюсселе. Он просил передать ей нечто, касающееся их совместной работы над издаваемыми книгами, и задать вопрос по библиографии. А в случае, если станет мне «уж совсем тяжело и одиноко», посоветовал найти монахиню Викторину, старого друга их семьи, живущую в русском православном монастыре в Эйн Кареме под Иерусалимом.

Приехав в Израиль, мы решили обосноваться в Иерусалиме, и отсюда я ранней весной 1971 г. написала Ирине Михайловне. Ответ был немедленным, и с этого началась наша долгая (до самой болезни и кончины г-жи Посновой) и крепкая связь. Она стала особенно плодотворной после моего знакомства с о. Всеволодом Рошко, хорошо знавшим не только Ирину Михайловну, но и ее друзей и помощников: о. Антония и о. Кирилла. Постепенно о. В. принял на себя часть забот по отысканию нужных о. Александру книг и особенно по переправке их в Россию. Моя роль при о. В. в этом отношении свелась к расшифровке иероглифов почерка о. А. и при чтении писем — к переводу текста с установившегося между нами «эзопова языка» на понятный для о. В. русский.

В начале марта 1971-го пришлось последовать второму совету о. А. — искать матушку Викторину. Пара новых друзей — муж и жена, давние жители Иерусалима и главные помощники нашей семьи

в устройстве на новом месте, вызвались мне помочь и в данном случае: на своей машине повезли меня в Эйн Карем. Однако поездка цели не достигла: внизу, в долине Эйн Карема русского православного монастыря не оказалось. А к тому, что издалека на него походило — к белевшей на высоте крутого склона, сплошь заросшего густым кустарником, невысокой колокольне, — дороги мои друзья не нашли. Туда, в домик–келью рядом с этой колокольней, в разгар лета привез меня о. В. , часто посещавший этот Горненский женский монастырь юрисдикции Московской Патриархии. Как и советовал о. А. , я представилась и передала м. Викторине благословение о. А. и поклон от его матери Елены Семеновны. Однако ответная реакция была настолько холодно–официальной и отчужденной, что о продолжении отношений не могло быть и речи. Только через несколько месяцев о. В. неожиданно сказал, что м. Викторина хочет меня видеть. На этот раз он оставил нас в келье вдвоем, и разговор по душам состоялся. Матушка объяснила, что мое появление ее испугало, она запросила друзей в Москве, и те заверили, что я «своя» и мне можно доверять. Еще попеняла мне, зачем в первый же раз я появилась с о. В. : ведь он — католик или, еще того хуже, униат, чужой человек, и ему ни в чем нельзя верить. И в дальнейшем, даже когда наши отношения стали вполне доверительными, эта добрейшая женщина, глубокая молитвенница продолжала воспитывать меня в чистоте православной веры и остерегать от соблазнов католичества. [1]

О м. Викторине и ее наставлениях мы не раз разговаривали с о. В. Он возлагал тогда большие надежды на развитие экуменического движения и принимал самое деятельное участие в попытках укрепить и расширить взаимопонимание между христианами разных Церквей и юрисдикций на Святой Земле. В этой связи отношение православных к католичеству в России его тоже интересовало. Кратко я писала о моих встречах с м. В. и отцу Александру — он отвечал одной–двумя фразами в письмах, и эти ответы о. В. слушал особенно внимательно и всегда просил комментировать. Так что первая встреча о. В. и о. А. на тему православия и католичества состоялась благодаря м. Викторине. И я так подробно рассказываю об этой монахине, столь незыблемо стоявшей на почве православной традиции, потому что именно ей написал о. А. замечательное письмо о том, как, по его мнению,

православные должны относиться к католикам, и прямо сказал о своем отношении к о. В.

Этот великолепный современный образец диалога, проповеди и пропаганды я нашла в бумагах м. В. , скончавшейся в 1977 г. Тогдашний начальник Русской Православной Миссии Московской Патриархии в Иерусалиме архимандрит Серафим (ныне покойный Архиепископ Серафим Пензенский) поручил мне разобрать небольшой архив матушки и написать о ее кончине тем близким и друзьям, чьи адреса сохранились. Письмо о. А. было без конверта — видимо, пришло не по почте, и архимандрит Серафим разрешил мне взять его для себя. [2] О. В. отнесся к письму с большим вниманием, сделал для себя копию, а возвращая оригинал, с особой важностью, какая всегда появлялась на его лице, даже в голосе и ритме речи, если обсуждался серьезный вопрос, сказал, что письмо очень много дало ему для понимания о. А. , но из письма также следует, что о. А. , «находясь за железным занавесом», мало осведомлен о современном состоянии католичества, о происходящих в нем изменениях, особенно в богослужебной практике и во внутреннем — духовном и психическом — мире католического священника. Я хорошо помню этот разговор, так как сторыча обиделась тогда на о. В.: как может он говорить, что о. А. чего-то не знает. Только читая письма о. В. к о. А. [3], я поняла, какое глубокое чувство и желание «услужить знатному человеку» [4] подвигли о. В. писать по-русски. Ведь этот язык после эмиграции семьи из России был под строжайшим запретом. Еще мальчиком, втайне от матери, о. В. начал учить русский, но систематически заниматься языком ему не довелось. Но русский язык до конца жизни оставался для него голосом родины и собственной души: ведь и к святому преподобному Серафиму Саровскому обращался он на русском языке, когда писал (по-французски) свою глубокую работу о Преподобном, наметившую новый аспект изучения наследия Саровского чудотворца. Во всяком случае, я могу свидетельствовать, что к переписке с о. А. о. В. относился очень серьезно и трепетно. В письмах его не столько «ума холодных наблюдений», сколько «сердца горестных замет»: он делился с наконец-то найденным другом тем, что его самого тревожило, радовало и волновало. Не раз говорил мне об этом, и всегда в полной уверенности, что собеседник поймет и откликнется.

И, наконец, надо сказать, как же я познакомилась с о. В. Я нашла его в «Доме Авраама» — в гостинице монастырского типа для бедных католических паломников. Те двое наших друзей, что возили меня в Эйн Карем, обескураженные своим провалом в поисках м. В. , все же постарались и нашли священника, говорящего по-русски и живущего в Восточном Иерусалиме на Масличной горе в «Доме Авраама». На сей раз я решила отказаться от проводников и в один из жарких апрельских дней 1971 г. одна отправилась на поиски. Еврейские автобусы в те края не доходили, пришлось долго идти по непривычной жаре, спускаться к Кедрону, подниматься на Масличную гору, а когда дошла до «Дома Авраама», оказалось, что о. В. нет дома. Я оставила записку с адресом, номером телефона и просьбой позвонить и вечером того же дня впервые услышала его голос.

*А. Н. (Шура) Цукерман
Иерусалим, ноябрь 2003 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К САМИЗДАТСКОМУ ВАРИАНТУ ПЕРЕПИСКИ

То, что предлагаемые страницы состоят из писем, — отнюдь не литературный прием или «переписка из двух углов», когда люди, имеющие личный контакт, обмениваются мыслями на бумаге. Это — настоящие письма, которые шли по обыкновенной почте на протяжении 1974 года из Москвы в Иерусалим и обратно. Корреспонденты однажды заметили, что темы, которые они обсуждают, имеют общий интерес. Ведь шла беседа между людьми различных христианских исповеданий и имеющими различный опыт. Поэтому было решено сохранить письма для друзей в том виде, как они написаны, лишь изъяв чисто личные темы ^[5].

В настоящее время, когда активно ведется диалог между Церквами Востока и Запада ^[6], важно, чтобы он не ограничивался только «высшим уровнем», но и захватывал рядовых священников и мирян.

Переписка прот. Александра Меня с о. Всеволодом Рошко

8 апреля 1974 г.

Дорогой отец Александр!

Спасибо за Ваше письмо от 20 марта. Постараюсь объяснить, какую разницу я вижу между восточным и латинским богопочитанием. Извините мой дидактический тон: стараюсь возможно лучше высказаться по необъятной теме.

Христианин — наследник своих подвижников. Именно разнообразие подвижников, думаю, надо различать, а не обрядное разнообразие, которое безнадежно закрывает христиан в своих различиях. Вообще вся умственная наша жизнь определяется несколькими предшественниками, которые нам открыли новый путь. Они по-новому стали смотреть на действительность и научили других по-особому жить, ощущать, любоваться красотой, любить, стремиться. Если нам было бы дано разделить жизнь наших далеких предков, то благодаря нашим ближайшим предшественникам предки во многом нам казались бы грубы. Теперь трудно себе представить, что апостол Павел не был против рабства. Как говорил Фома Аквинат, мы — карлики, но сидим на плечах гигантов. Но только тогда, конечно, когда мы верны своим подвижникам. Мы знаем по опыту, что точное исполнение типикона само по себе не обеспечивает благочестия, если служащий забыл о своих подвижниках или ими пренебрегает. Так выходит иногда у православных и очень часто у униатов, ибо, даже когда они соблюдают обряд, они тем не менее подчиняются своим западным подвижникам.

Латинские подвижники, наверное, не хуже наших, но они пошли по особому пути. После 40 лет моего общения с ними их молитвенный путь мне остается чуждым. Я чувствую совершенно то же самое, что и Н., когда он Вам писал, что во время Недели Единения ^[7] он нашел общий молитвенный язык только... с эфиопами! И с армянами найдешь, и вообще в восточных церквях, но отнюдь не в западных. Это — трагедия, и никто ее не признает, а только кое-кто смутно ощущает.

Теперь постараюсь выделить несколько черт католического богопочитания. Во многом полагалось бы говорить в прошлом времени. В новом духе кое-что является для русского большим облегчением, но вообще сейчас такое брожение, что трудно о нем говорить.

Вопреки создавшейся репутации католический дух отличается своим уважением к нашему одиночеству перед Творцом. В нем некая особая мудрость, особое чутье к дуновению Духа Святого. Духовный отец, даже сам верующий, поскольку это ему свойственно, судит не только в свете Предания, но прямым распознаванием Божьих путей, которые могут быть совершенно новыми. Что будничная жизнь полна промахов — другое дело. Знаю, что такую мудрость найдешь и у православных, но это отдельные мудрецы, а не соборная мудрость. Тут католическая Церковь более соборная, чем православная. А православные знаменитые мудрецы мирского типа, хоть и могут вдохновлять, но сами очень односторонни, и прямо не ортодоксальны. Что католики слишком опасаются духа пророчества — другое дело. Замечательно, что Игнатий де Лойола дал своим сыновьям «10 правил, чтобы мыслить с Церковью». Но под «Церковью» он разумел «иерархию», и вообще эти правила слишком конкретны. Потому современный кризис и потрясает особенно иезуитов.

Отсюда вытекает особый молитвенный путь, сопровождаясь, к сожалению, забвением общественной молитвы. В удивительном почете безмолвная молитва, когда душа, одна перед Творцом, выражает, что хочет, и переживает, что ей дано. Такому духовному упражнению семинарист с первого же дня посвящает полчаса утром и четверть часа вечером. Перед рукоположением он дает обет продолжать так всю жизнь, иначе не допускается к священству. Конечно, может быть, большинство не соблюдает принятого решения, но остается, что католик ищет (и находит!) свой духовный источник в одиночестве, а не в общественной молитве. Конечно, советуется читать правило с сердцем, но исполнение правила в сущности вопрос долга, профессиональной честности, под угрозой смертного греха, «пенсум котидианум» [8]. Итак, на II Ватиканском Соборе можно было видеть много отцов, читающих себе часы во время Литургии, которой открывалось каждое заседание, отрывавшихся лишь во время Пресуществления. «Свою частную мессу» они уже отслужили у

себя — оставался долг исполнения правила. Конечно, монашествующие монахи имеют понятие об общественной молитве, но когда они вне монастыря, они ничем не отличаются от ксендза, и это их мало тяготит: они двоеручные. Действительно, хотя теперь все иеромонахи сослуживают ежедневно, но еще недавно каждый совершал «свою мессу» перед «общественной мессой». Несколько месяцев после того, что я вступил в католическую Церковь, я стал доминиканским монахом. Меня заставляли прислуживать при одной из этих «частных месс». Только в 1939 г. у нас как передовых было введено разрешение причащаться на «общественной мессе». Вообще, полностью признав одиночество творения перед своим Творцом, во внешних условиях католический дух всячески старался возложить на верующего неудобноносимое бремя.

Иногда католики молятся вместе, но это еще не значит, что их молитва общая. У тех монашествующих сестер, где я чаще всего служу или сослуживаю, мы, иереи, полным голосом поем Евангелие и анафору — а большинство сестер следят по книжке. Чтобы найти более настоящих монахов, я часто езжу в Вифлеем: в Иерусалиме нет лучшего богослужения.

И униаты не далеки от этого духа. Подумать только: вследствие того, что им внушили, что иерей должен совершать Литургию ежедневно, шесть раз в неделю священник служит один. А если по воскресениям он чем-нибудь занят, например исполнением работы регента, тогда и по воскресениям он служит особо «свою мессу». Или еще когда, для большей торжественности, священник служит диаконом, вопреки канонам. Он это делает для народа: для своей духовной жизни важно только, чтоб он отслужил «свою».

И мы, русские, не выпутались. Как говорил покойный о. Кулик ^[9], мы не латинские, не православные священники, а что-то особое.

Новые католические течения освободились от всякого ложного чувства ритуальной обязанности. Они стремятся к настоящей общественной молитве. Но не путем объединения с тайной мистической Церкви, как мы делаем на Востоке. Понятие о «священном», которое имелось на Западе, они отбросили как ложное — а нового или древнего понятия они не ищут, потому что хотят быть «от мира сего», где, говорят, нет места для «священного».

Понятие о «священном» было у католиков субъективным и условным, о чем можно заметить доказательства даже в обрядах почитания Святых Даров, которыми они недавно так гордились. 20 лет тому назад собор американских епископов, желая совершить экуменический жест, выбрал для изображения на иконочке в память собора — Владимирскую Божью Матерь. На обратной стороне объяснялось происхождение этой иконы и прибавлялось: «Эту икону благословил кардинал С. вместе с собором епископов». Католическим семинаристам в паломничестве я не могу указать в монастырских усыпальницах Иудейской пустыни на то, что черепа сохраняют «дух святости». Для них это может быть только шутка, и от неожиданности они хохочут. Чего я не могу указать семинаристам, тому русские евреи охотно верят и сами удостоверяются. Один католик, заслуживавший большого уважения и к тому же консервативного нрава, говорил шутя о том, чтоб захватить кость для своей собаки. Говорил он это не передо мною, зная, что такие шутки я не понимаю. Но тут и французский дух. Директор нашего дома — благообразнейший французский священник. Его надежда — что христиане уразумеются и уничтожат Животворящий Гроб, на основе того, что он некрасив, и что только местность подлинна. Хорошо, что католики не могут ничего предпринять без совладельцев греков и армян.

Для меня лично русское богопочитание — земной рай. Этого рая я себя сознательно лишил, став католиком. Очаровывает меня игра Духа Святаго в католической Церкви. Но одно дело лишиться рая — другое отрицаться. К тому же нам, русским католикам, вменяют в строгую обязанность оставаться верными своим, русским преданиям.

Дело не в обрядности, а в том, что участники богослужения вдохновлялись образами тех подвижников, чьими наследниками они являются. У нас с греками общий обряд. Но чаще всего греческое духовенство производит впечатление полной небрежности, полного забвения своих подвижников — результат получается обратный. Поэтому не так уж важно — вводить или не вводить литургию св. Иакова, не в том дело.

Помню, как вовсе не противно, а скорей умирительно мне было сослужить с распутным священником незадолго до того дня, когда он убежал: чувствовались глубокая скорбь и смирение — он был русский. А когда католический распутный священник служит, чуешь больше

какое-то казуистическое самооправдание в том, что хоть не положено совершать службу в греховном состоянии, он это все-таки делает. Вообще, обрядность не принимается как молитва. Об этом идут анекдоты. Не без основы: бывает, в смертельной опасности, что люди просят священника, чтоб он перестал читать часы и начал молиться.

Как часто католическое душеполезное чтение для нас не назидательно, а скорей отвратительно, а потому и соблазнительно. Во «Фиоретти» [\[10\]](#), которые вообще нам так дороги, читаешь в главе 44, что степень духовного совершенства — в зависимости от степени страдания, которое праведник испытывает, размышляя о распятии. Тогда именно соображаешь, что путь, который открыл св. Франциск, для нас закрыт. Тут большая опасность для русского, находящегося среди католиков: те обряды, те мысли, которыми питаются католики, сами по себе не плохи, а нам чужды. Неподготовленная душа падает в уныние, в томление и потом в равнодушие. Из рожденных русских, кроме пяти-шести среди нашего католического духовенства, о других лучше не спрашивать: в лучшем случае, они стали неврастениками. Это массовое явление, с которым неблагоприятно было бы не считаться.

На сегодня хватит. Следующий раз напишу о конфронтациях исповеданий.

Сердечно ваш свящ. Всеволод

20 мая 1974 г.

Дорогой Отче!

Очень рад, что Вы высказались ясно и откровенно по вопросу, который сейчас волнует многих христиан. Ведь наше единство и различие — одна из первоочередных проблем, вставших перед нами в эпоху межконфессиональных контактов.

Ваше письмо объясняет многое из того, что в более смутной и неопределенной форме говорили другие. Впрочем, и Ватиканский собор, подчеркивая необходимость сделать литургию в полном смысле «общим делом», исходил из сознания тех проблем в западном богочитании, о которых Вы говорите.

Мне кажется, что все написанное Вами подтверждает мысль, в свое время высказанную еще Вл. Соловьевым, о том, что разделение христиан коренилось не столько в вере и вероучении, сколько в культурном различии, в различии западного и восточного типа

сознания. Индивидуализм в Европе — явление старое, восходящее еще к античным временам. Бесспорно, в нем много ценного. Именно он помогает противостоять стадному сознанию, которое тоже издревле было известно человеческому роду. Но в этом возвышении личности кроются, видимо, и опасности. Чудо и тайна Церкви заключаются в том, что она (по образу Троицы Божия) соединяет, не уничтожая индивидуального. Но этот идеал слишком труден. Наверно, мы только начинаем осознавать его сущность, а до реализации еще бесконечно далеко. (Я вообще думаю, что история Церкви только началась.)

Итак, как явствует из Ваших слов, религиозный индивидуализм разрушает то духовное единство христиан, которое наши православные богословы называют «соборностью» (термин несколько условный, но другого нет). Следовательно, западная психология оказывает сильное (и не всегда благоприятное) воздействие на духовную жизнь христиан. Но важно и то, что здесь налицо причина по существу внецерковная, а этнопсихологическая. Иными словами, значение ее и роль ограничены чисто человеческим аспектом. В то же время идеи, лежащие в основе католической эkkлезиологии, далеко не чужды соборности. Помню слова одного богослова, писавшего по поводу «Двух типов веры» Бубера [\[11\]](#) о том, что ветхозаветная идея «народа», «общины», которую Бубер считает чисто библейской и чуждой христианству, на самом деле пронизывает Новый Завет и учение о Церкви. Изоляция христиан с различной психологией была не только грехом братоненавистничества, но и самообеднением. Выращенные вне контактов типы благочестия неизбежно оказались под властью этнопсихологии, и это привело к тем печальным последствиям, о которых Вы пишете. Однако и Восток понес ущерб. А из этого следует, что в будущем оздоровление духовной жизни трудно представить без экуменического диалога, без взаимопроникновения и взаимообогащения. Вот вы пишете, как трудно восточным приспособиться у вас к западному благочестию. Это ведь тоже свидетельство нашей слабости. Значит, и наше благочестие нуждается в укреплении для того, чтобы стать чем-то для западного.

Я отдаю себе отчет во всех трудностях, которые рождает встреча двух типов веры, но мне придает уверенность сознание того, что подлинная церковность лежит глубже этнопсихологии и культуры и что Евангелие, силой которого мы существуем, содержит в себе все,

что необходимо для того, чтобы мы жили в постоянном обновлении, возрождении и уповании. Ведь разве не ясно, что все трудности и неудачи в мировой церковной жизни на протяжении веков проистекали от неправильного ответа на Божий призыв? Впрочем, никакие наши немощи не в состоянии разрушить неразрушимое. Некоторые западные богословы, охваченные прискорбной паникой, готовы идти на всякие сделки с «миром» (Робинсон ^[12], Адольф и пр.). Но у них получается, будто Церковь — это дело только человеческое. Если уж такие страшные времена, которые знала Церковь в минувшем, не уничтожили ее — чего нам бояться? Мне странно слышать о Средних веках как о «веках веры» и т. д. Это был лишь эмбрион христианства, да и сейчас оно еще — младенец, со всеми ошибками и слабостями младенца. Задача слишком велика, чтобы какие-то жалкие двадцать веков оказались бы для нее достаточны.

Вот, дорогой Отче, некоторые из тех соображений, которые вызвали у меня Ваши письма. Простите за многословие. Большое спасибо. Будем укрепляться во взаимной молитве и искать путей к единству, мира и благословения.

С любовью во Христе. Ваш прот. А. Мень
6 августа 1974 г.

Дорогой отец Александр!

Меня очень обрадовало Ваше письмо от 20-го мая. Нахожусь в духовном согласии с Вами. Вам понятно, на каком распутье мы тут находимся, и Вы оценили мои заветные мысли. Значит, не зря я упрямотствовал по столь мало плодотворному, как могло казаться, направлению.

Вы хорошо проводите тот синтез, которого я не был в состоянии совершить, сосредоточившись на моем анализе. Однако мне не совсем ясно, исходит ли от индивидуализма, например, мнение, высказанное во «Фиоретти» о том, что степень духовного совершенства зависит от степени духовного страдания, которое праведник испытывает перед распятием, или взгляды на православие папы Пия XII, о которых я писал прежде.

Робинсона, Адольфа и др. я мало знаю. Может быть, действительно страх их схватил, но я больше вижу у них головокружение. Кружение от найденной свободы, если они католики, или от общего движения вперед в области науки. Ведь, чтобы говорить

только о Фрейде, который мне немного знаком, в нем прячутся великие духовные богатства. Заповедь «Не суди» нам уже не трудна. А как иллюстрируется им идея, что «царство небесное в самом человеке»!

Хотелось бы знать, как Вы относитесь к моему мнению о том, что в католической Церкви есть особая мудрость и свобода. Знаю, как высоко стоит русское старчество, но больше в области чисто внутренней жизни, чем мирской, в которой, однако, воплощается Слово Божие. Такими явлениями, как прозорливость, я далеко не пренебрегаю, но я не уверен, что они только сверхприродны. К тому же они встречаются, хоть и реже, и у католиков.

В том, что корни разделения христиан не в вероучении, я глубоко убежден. Например, если понять монофизитство по-нашему, то выходило бы, что приверженцы монофизитства не способны познать истинного Богочеловека. А в действительности мы видим, что монофизиты суть истинные христиане, по-видимому не меньше, чем православные. Значит, или весь вопрос сводится к недоразумению (что и доказывают историки), или благодать покрывает не совсем точное богословское определение. В других случаях скажу, что вера нераздельна от любви: воистину христианин тот, кто истинно исполняет заповедь о любви. Нередко бывает, что какой-нибудь евангелист более истинно любит, чем мы, правоверные.

5 мая 1974 г.

Дорогой отец Александр!

В Вашем письме от 8-го апреля Вы говорили, что вам трудно себе представить резкие конфронтации конфессий, которые случаются у нас. Сегодня я хотел бы Вам дать картину этих конфронтаций.

Надо различать 6 возможных позиций в отношении одной Церкви к другой:

№ 1: Полное отчуждение одной Церкви. Причины иногда уважаемые.

№ 2: Законное согласие между двумя Церквями об «евхаристическом гостеприимстве» — что вполне существует только между Римской и Московской.

№ 3: Так называемый «дикий экуменизм». На основе каких-то переживаний о братстве группа разных верующих дает друг другу причастие, сознательно нарушая правила своих церквей. Такое

действие иногда берет характер бунта: они говорят, что совершили «пророческое действие».

№ 4: Между позициями 2 и 3, пастырь, на богословских основах, берет предварительное решение в случаях, не предусмотренных правилами. Впоследствии новые расширенные правила утвердили его решение.

№ 5: Отдельные случаи, когда священник себя считает морально принужденным допускать к причастию члена Церкви, от которой не предполагается согласия.

№ 6: Односторонняя инициатива одной Церкви, допуская к причастию членов одной Церкви, не признающей сопричастия. К тому же, Церковь, допуская к причастию иных членов, не дает взаимного разрешения своим собственным членам.

Позиция 1. Такая позиция Синодальной [\[13\]](#) юрисдикции, учащей об «экуменической ереси». Конечно, когда есть причины, мы поступаем по № 5. К тому же, не все синодальные духовные лица — фанатики, а молчат.

Такова тоже позиция Иерусалимского православного Патриархата, и не без оправданий, особенно в прошлом. Но православные арабы мало соблюдают данное запрещение.

Такова была тоже позиция католической Церкви до Ватиканского Собора. С знаменитым пионером по экуменизму, отцом Кутюрье [\[14\]](#), случилось следующее: его епископ ему запретил принять участие в каком-то экуменическом съезде. Он подчинился запрещению, объясняя своим друзьям, что все равно его присутствие потеряло бы свое значение: он больше не представлял бы католическую Церковь.

Западная русская эмиграция была всегда открыта к неправославным. Это и была одна из причин отделения Синодальной от Западной юрисдикции [\[15\]](#). Но они не нашли сочувствия ни у католиков, ни у протестантов. Одни объясняли затруднения Русской Церкви неподчинением Папе Римскому, другие — недостаточными связями со Священным Писанием. Одни англиканцы их приняли по-братски. В глазах ревнителей этого сближения англиканской Церкви суждено служить мостом между христианами Востока и Запада.

До Ватиканского Собора непросвещенные католики, даже высоко поставленные духовные лица, не только отчуждались от

православных, но и нарушали свои собственные правила. Еще до Собора было поставлено, что священник обязан дать таинства умирающему православному, если не выйдет «скандала» [16]. Говорили, что будет скандал, и отказывались. Очень возможно, что это еще случается, во всяком случае, вне смертной опасности.

Позиция 2: существует.

Позиция 3. Существует главным образом между католиками и протестантами. Православный экуменизм всегда оставался лояльным своей Церкви. Западные экуменические манифестации тем легче дышат чувством братства, чем реже переходят пределы западной этнопсихологии.

Позиция 4 распространилась в связи с военными обстоятельствами. Один из тех, которые обработали этот взгляд, о. Филипп де Режиc [17], будучи моим настоятелем, мне позволил переписать свои заметки по этому вопросу. Уже в 1939 г. владыка Нэвэ [18], отставной Московский латинский епископ, советовал военным священникам (газета «La Croix», 2 и 3 ноября 1939 г.) «принять от больных и раненых православных, если обстоятельства разрешат, короткую и точную исповедь своей веры. Этим священник успокоит свою совесть и вовсе не беспокоит совесть православных солдат, так как это исповедание веры вполне соответствует подлинной традиции Восточных Церквей».

В эти первые месяцы Мировой войны во Франции вопрос поднимался лишь по поводу духовного обслуживания православной молодежи, служащей во французской армии. В 1943 г. поднялся вопрос об обслуживании советских военнопленных. О. де Режиc счел, что чаще всего полагалось воздержаться от требований формальной вероисповеди. Но он подчеркивал, что эти верующие должны были оказаться лишенными возможности обратиться к своим священникам, и они должны были знать, что священник, допускающий их к таинствам, — католик. Основу для своей позиции о. де Режиc находил «в некоторых решениях, взятых в подобных случаях папами Львом XIII, Пием X и Пием XI; но данные ответы, хоть и хорошо засвидетельствованы, никогда не были даны письменно, а всегда устно».

Большинство богословов, к которым он обратился, одобрило его решение. Владыка Шапталъ [19], Парижский епископ для иностранцев,

ему ответил с улыбкой: «Не могу Вам сказать официально, что Вас одобряю, но я рад Вам сказать, что я не против». Подобный ответ дал и кардинал Тиссеран [20], будучи Секретарем Конгрегации для Восточной Церкви.

«Требуется немало опыта и здравомыслия, — писал о. де Режи́с, — чтобы решиться, в некоторых случаях, нарушать правила». Этих качеств оказались лишены кое-кто из моих собратьев. После войны в беженских лагерях родилось довольно значительное движение к «обращению в униатство». Этому движению мои собратья не сумели противостоять, а иные и способствовали. Настолько взгляды были еще униатские, что ни о. де Режи́с, который был внутренне против, ни другая какая личность, не приняли никакой противодействующей меры. Это было во время папы Пия XII, который требовал от иезуитов, от доминиканцев, от ассомпционистов [21] и от «Оссерваторе Романо» [22], чтобы они писали не «православные», а «так называемые православные», или хоть «православные» в скобках. Данное требование не было Ватиканским постановлением, а личное желание Папы Римского, и как таковое потеряло силу с его смертью. О. де Режи́с принадлежал иезуитскому ордену, а владыка Нэвэ — ассомпционистскому.

Как мало смелой нам теперь ни кажется позиция о. де Режи́са, далеко не все старшие члены Руссикума [23] разделяли его взгляды. Дорогой памяти о. Швайгель когда-то занимал очень крупное положение в наших делах. О нем рассказывают, что, при посещении какого-то больного, сосед православный попросил, чтобы ему послали батюшку. Отец Швайгель не выполнил желание больного, видя в этом некий род «коммуникацио ин сакрис» [24].

Позиция 5. Существует, с тайным согласием многих православных пастырей. Один священник нам рассказывал, что при посещении одиноких русских случается, что верующий кается в том, что он принял причастие у католиков. В своем наставлении священник не только его не осуждал, но скорей хвалил.

Вообще, хоть и недавняя картина крайне гнусна, здравомыслие торжествовало в отдельных случаях. Но далеко не всегда: Швайгель [25] был глубоко духовный человек, а Пий XII — и духовный, и умный. Однако...

Позиция 6. В последние годы до Ватиканского Собора католическим школам было позволено давать таинства своим православным ученикам. Наша парижская школа, которая поступала всегда лояльно по отношению к православной Церкви, решила не пользоваться этим разрешением, поскольку взаимное разрешение, т. е. католическим ученикам причащаться в своих православных школах, не было дано.

Самый вопиющий вид неуважения к православной Церкви католической Церковью имела, может быть, деятельность митрополита Андрея Шептицкого [26], который был с 1900 по 1945 г. во главе украинских униатов. Он добился от римских властей разрешения принимать тайно в католической Церкви православных духовных и мирских лиц, ведя, таким образом, подкопную работу в украинской и белорусской православных Церквях. Это те, которые звались «криптокатоликами».

Безвозвратно прошло, конечно, время моего православного юношества, когда католические священники, с которыми я общался ради духовной пользы, не считали возможным мне давать таинства. Теперь № 5 понимается широко, лишь бы № 5 не перешел на № 3 или на № 6.

Цель Ватиканского Собора — воспитать католиков в духе уважения к православной Церкви и, конечно, лояльности к ней. С таким тяжелым прошлым, понятно, что остается еще долгий путь.

Ближневосточное христианство отстало на столетие. Греческое духовенство и латинское белое духовенство, итальянцы, прибыли в страну мальчиками, в том числе латинский и греческий патриархи. Хотя большинство францисканцев и прибыли взрослыми, но сильные личности не просят в Святую Землю или молчат, как Падре Пакс... Когда говорят теперешнему кустоду, оканчивающему свой срок, что он так ничего и не изменил, он отвечает, что кустодия есть огромная машина, и важно было её двинуть хоть на миг.

У католиков, конечно, многие учреждения имеют свои корни вне страны и живут своим духом, как иудео-христиане, но их притесняет духовная власть. Против Римских постановлений они, конечно, прямо не идут, хотя о законности их правил можно поспорить. А когда явная пастырская потребность им понятна, они, конечно, дают разрешение. Впрочем, о многом разрешения не спрашивают. Так, на Западе очень

распространено служение мессы, совершающейся сидя вокруг стола, оно в большом употреблении у иудео-христиан. Не скажу, что мне нравится.

Итак, у католиков встречаются № № 3, 4 и 5. № 2, собственно говоря, не встречается. Верующие Московской Церкви получают от нас таинства в силу № 4 (или № 5), так как они подчиняются греческому Патриарху, который вовсе не готов подписать договор с Римом.

Греки и синодальные русские стоят целиком на № 1. А Московская Миссия связана тем, что подчиняется греческому Патриарху.

Я как-то зашел к высокопоставленному греческому епископу, чтобы узнать, согласились ли участвовать в неделе объединения христиан. Его ответ, высказанный более мягко, был такой. Католики, протестанты и англикане украли половину православных верующих на протяжении последнего столетия. От враждебных отношений постепенно отходят, но не надо идти слишком быстро. К сожалению, это сущая правда. Поэтому я сказал, что точка зрения № 1 иногда оправдывается. Действительно, сам греческий Патриарх, хотя, по слухам, и дряхл, но вовсе не чужд экуменических стремлений и недавно красноречиво высказал перед кардиналом-паломником свою надежду посетить Папу Римского. Но на месте он все больше запрещает всякое сближение с католиками.

Можно, конечно, толковать и по-другому, когда я повторял эти слова одному греку — он теперь епископ города Акко, — он перебил меня словами: «Греки нуждаются в своем аджиорнаменто». И то правда...

Общее стремление католического духовенства на Ближнем Востоке: видеть в экуменизме путь к обращению православных. Дело в том, что вообще они не сомневаются, что у них — полнота духовных и материальных сил, а православие — какое-то странное вымирающее прошлое.

Одного не понимаю. В христианских селах, где больше всего должно было бы быть конфронтации, арабское духовенство живет удивительно дружно. Должно быть, у арабов какая-то особая мудрость и тонкость.

Точнее, не силою № 4 или № 5 иудео-христиане дают таинства православным, а силою № 3. У них полное равнодушие к православной

Церкви. В прошлом году Нэвэ Шалом назначил доклад «О смысле христианской Пасхи» как раз на православную пасхальную ночь. На мои возражения ответили, что другого свободного дня нет и что все равно у них православных нет. В прошлом году, действительно, не было. Их, конечно, вдохновляет не дух бунта против духовных властей, а какие-то утопические иллюзии, будто они создают еврейский обряд. А когда я говорю, что это православные люди, то о. Д. упрекает меня в том, что я делаю разрушительную работу. Однако грешно не только лишить верующих духовных представлений, но боюсь, что у них укоренится мнение, что они имеют право выбирать себе Церковь. «Дикий экуменизм» в сущности антиэкуменичен: православные принимаются не как православные, а как христиане, и им предлагается католико-протестантский дух как преобладающий. В крайнем случае, если им мешает какая-то чувствительная привязанность к русским обычаям, то пусть, мол, поищут утешения у униатского священника. От такой роли я решительно отказываюсь.

В Экуменическом Иерусалимском институте [\[27\]](#), где я часто сослужу, в Вифлееме, не католические преподаватели скромно и скорбно отходят от Престола, когда наступает время причащения. По поводу Института скажу, что православные преподаватели вовсе не участвуют, не только по распоряжению греческого Патриарха, но стараниями каких-то греческих и румынских преподавателей. Отец К. немало пострадал от них.

Надеюсь, вас заинтересует эта картина конфронтаций вероисповеданий на Западе. Такими путями совершается священная история. Я в это верю.

Сердечно вам, свящ. Всеволод

22 июля 1974 г.

Дорогой о. Всеволод!

Простите, что долго не имел возможности написать Вам. Ваше письмо от 5 мая дает очень четкую и интересную для нас классификацию отношений к проблеме единства Церкви.

В ответ я хотел бы тоже набросать Вам схему, отражающую состояние этой проблемы у нас.

Предварительно должен подчеркнуть, что для православия экуменизм в строгом смысле слова касается лишь отношений с

католиками. В подлинно церковном смысле нас с вами соединяет много больше, чем разделяет. Как я уже говорил (в прошлом письме), причины раскола лежат вне чисто духовной сферы. То, что внешние вещи оказываются сильнее, — лишнее доказательство незрелости мирового христианства. Подобно тому как, будучи насаждено некогда у варваров, оно невольно (и тактически оправданно) вступило в компромисс с их традициями, так и теперь — Дух Божий продолжает «светить во тьме» секулярности. Закваска лишь начала свое действие. «Будьте совершенны, как Отец...» — призыв абсолютный, реализация его не имеет границ и превосходит все космические масштабы. Конечно, никакой прямой эволюции в истории Церкви нет, но есть История, есть борьба и становление. Во многих отношениях наш век имеет то, чего минувшие не имели. Если даже такие люди, как св. Бернард, могли говорить, будто мучения грешников должны усилить радость спасенных праведников (!), то что говорить о других. Град Божий не тождественен с Церковью, но Он в ней самой вычленяется и очищается от человеческого, темного, преходящего. В прошлом было много прекрасного, но если средневековый святой благословляет поход против неверных, то современный (вроде о. Кольбе) сам умирает за других. Это что-то ^[28] да значит.

Итак, возвращаюсь к главному. Отношение наше к протестантам гораздо сложнее (в России они преимущественно представлены баптистами). Многие (и вполне основательно) признают их братьями по вере, но их понимание таинств, Предания и некоторых догматов делает покамест мечту о действительном единстве достаточно утопичной. Для этого нужны слишком большие трансформации в протестантизме (которые кое-где уже намечаются). Для удобства можно говорить о «христианстве» вообще (наподобие солнечной короны) и Церкви в строгом смысле слова (ядро солнца). Таинства, в отличие от субъективного акта веры и убеждений, есть для нас сверхчеловеческий элемент Церкви. Недаром преемственности иерархии придавалось всегда такое значение. Ведь если ее отбросить, все окажется во власти чисто человеческих пороков и добродетелей. Она есть тот стержень, который является залогом крепости против враг ада (при этом человеческий элемент не унижается и не игнорируется). Судьба и драма Церкви и христианства имеет прообраз в Ветхом Завете. Завет — это берет, договор. Катаклизмы

ветхозаветной истории обуславливались неверностью народа Божия Завету. Точно так же обстоит дело и с «популюс Деи» [29], новым народом Божиим. Если Церковь проходит через испытания, то причина этого в нашей измене Завету. Одна из важнейших его заповедей: «да все едины будут». Она была нарушена еще с апостольских времен. Поэтому проблема единства — не мода XX века, а непреходящее требование, обращенное ко всем нам (а не только к иерархам и ответственным лицам). Следовательно, для всех нас, рядовых священников и верующих, вопрос этот всегда актуален и жизненно важен.

Теперь о типах отношения к вопросу. Пользуюсь Вашей нумерацией.

1) Имеет у нас два источника. Смутная настороженность верующего народа ко всему непривычному. Он не знает католиков и по традиции считает их «чужими». Конфликты (национально-политические), которые бушевали в пограничных областях, усилили отчуждение. Виновных было много с обеих сторон. Богословское обоснование этому взгляду было дано в прошлом веке Хомяковым. Он считал Восточную Церковь единственной подлинной Церковью, а прочих — еретиками (сам он, не признаваясь в этом, испытал большое влияние протестантов). Однако его точка зрения не была принята русским епископатом, и книги его не были разрешены духовной цензурой. Его противники выдвигали следующие аргументы: основы вероучения и таинства роднят нас с Западной Церковью; что же касается догмата 1870 г. и других особенностей католичества, то не было Вселенского Собора, который вынес бы о них авторитетное суждение. Следовательно, по крайней мере пока, их можно рассматривать как «теологумены», богословские мнения Запада (напомню, что между появлением филиокве и «разделением Церквей» прошло несколько веков).

2) Как Вы сами указали, такое согласие существует между католиками и русской Церковью (с недавнего времени — формально, а прежде — «де факто»). Кстати, уже до этого у нас принимали католических духовных лиц «в сущем сане», т. е. с признанием их иерейского достоинства и совершенных ими таинств.

3) Этого явления практически у нас нет. Отдельные случаи могут быть рассматриваемы как часть № 2. Бывают случаи, когда

православные священники и миряне присутствуют на богослужении у баптистов (иногда даже по особому разрешению проповедают). Но мы не воспринимаем их хлебопредложения как Евхаристию, и никто из православных не позволил бы себе в этом участвовать (таинство там превращено в обряд, что, понятно, далеко не одно и то же).

4 и 5) Такие случаи были. При особых обстоятельствах, но все же были. Сами по себе они есть молчаливое признание метафизического единства Церкви.

В заключение хочу подчеркнуть, что я далек от мысли, будто экуменизм есть нивелирование форм церковной жизни (это «латинская» тенденция, к счастью, уже изживаемая католиками). Все национальные формы христианства и благочестия должны остаться и сохранить свое неповторимое своеобразие и глубину. Полный спектр культур и этнопсихологических типов может участвовать в общекультурном созидании, и это вовсе не грозит стиранием индивидуальных обликов Церквей. Мы можем находить красоту и проникновенность в какой-нибудь африканской мессе, но это не значит, что нам нужно вводить в наших храмах барабаны.

Думается, что все национальные Церкви имеют будущее (в том числе и у нас), но только при условии, что они не утратят связь с Целым; они ведь не изолированные островки, а части Тела, которое должно иметь единое кровообращение. Иначе их ждет духовная гангрена.

Подобно тому, как любая культура есть аспект культуры мировой, поместные Церкви обязаны преодолевать изоляционизм, сознавая себя ветвью Вселенской Церкви. Это, разумеется, сопряжено со многими трудностями. В частности, национальная замкнутость — серьезная помеха. Но какое доброе дело совершалось легко? «Царство Божие усилием берется...» ^[30] Я верю, что молитва «о соединении всех» обретет силу, когда перестанет быть только формулой, а наполнится живым конкретным содержанием.

А теперь, дорогой отче, я хотел бы узнать, что вы думаете по смежному вопросу (почему смежному — скажу потом): вопросу об отношении Церкви к миру. Важно было бы услышать, что подсказал вам многолетний опыт служения.

Постоянно радуюсь молитвенной связи с Вами. Поклон всем друзьям.

Братски Ваш прот. А. Мень

5 сентября [1974 г.]

Дорогой отец Александр!

Получил ваше прекрасное письмо от 22 июля.

В конце месяца отправляюсь в Рим и во Францию, возвращаюсь только 20 ноября. Ответить на ваш вопрос не успею. Занимаюсь перепиской нашей переписки, которая интересует многих друзей.

Западная Европейская юрисдикция — открыта экуменизму, но нашла отклик только со стороны англикан. Недавно с тоской читал у них об этом следующее:

«Ни подчинение папскому авторитету, ни верность отеческому преданию, ни ссылки на непогрешимую Библию не могут оправдать отсутствие братолюбия и обелить вражду к тем, кто по-иному истолковывает тайну Боговоплощения. Подлинная причина потери единства открылась мне как страх свободы, дарованной христианам. Члены Церкви хотят найти гарантию спасения в соблюдении своих вероисповедных особенностей и потому не решаются вступать в братское общение с теми, кто отличается от них. В верности форме, а не духу они ищут признак принадлежности к Церкви. Формы необходимы, но они не единообразны. Вселенская Церковь всегда включала и будет всегда включать разнообразие обрядов и преданий. Вот те мысли, которые родились во мне в Англии».

Размышления эти были как плодотворное зерно в дальнейшей работе парижских богословов.

Молодым священником я был агентом обработки в духе № 4. Рожденное добросовестно, оно родило движение к «обращению от православия в униатство, т. к. большинство моих собратьев и Ватиканские круги не были зрелыми. Отсюда и «Восточный обряд» Николаева, где нас так ругают, несправедливо, но заслуженно.

Братски ваш свящ. Всеволод.

23 августа 1974 г.

Дорогой о. Всеволод!

Вы ставите вопрос: не связано ли особое почитание Страстей Христовых с западным индивидуализмом. Мне нелегко судить об этом в силу малого практического знакомства с западной церковной жизнью. Однако думаю, что слова, приведенные во Фиоретти, не случайны. Существует тип людей, которые открывают для себя Бога на

изломах жизни, в опыте страданий и отчаяния. «Страждущие люди», о которых писал в свое время В. Джеймс, существуют, конечно, повсюду. Достоевский достаточно ясно показывает, что и русскому складу это присуще. Тем не менее на Западе такой тип, очевидно, более ярко выражен (это линия, ведущая от Августина к Лютеру, Паскалю и Кьеркегору). Я особенно ощутил это, читая Бернаноса. Можно ли считать его источником индивидуализм? Пожалуй, да, по крайней мере в известной степени. То «одинокость перед Богом», о котором Вы так хорошо пишете, нередко путь трудный и поистине крестный. Живое чувство общности с другими (сознание Церкви или Общины), пусть и не до конца, но все же преодолевает трагизм этого пути. В то же время культ Страстей несет в себе столько величественного, прекрасного и подлинно христианского, что лишиться его (как составного элемента многообразной Церкви) было бы катастрофой. Он особенно ценен в сочетании с другими путями, подобно тому как Крест становится знаком победы в свете Воскресения. Следовательно, мы приходим все к той же мысли о необходимости интегрального Христианства, включающего всю гамму духовных путей и переживаний.

Есть в культе Страстей еще одна черта, свойственная Западу. Он всегда острее, чем Восток, сознавал человечность Спасителя. Отсюда сопереживание крестным мукам именно в их человеческом ужасе (не об этом ли говорят многие статуи и картины, страшная вершина которых — «Распятие» Грюневальда?). Примечательно, что и Рождество на Западе празднуется более торжественно, чем Пасха (т. е. опять-таки на первом плане — человеческая сторона жизни Христа). Иные усматривают тут несторианский уклон. Но с таким же успехом можно было бы обвинить восточных христиан в монофизитстве. Действительно, Христос виден с Востока и Запада по-разному (у нас еще в начале века Бердяев писал, что разделение имело провиденциальный смысл, способствуя росту разнообразных типов мистики). Но именно это есть знак того, что только в единстве мы можем постигать Его полноту. Раскол христиан не может не сказаться на их религиозном сознании. Тайна Богочеловечества станет ближе к нам, если мы будем ближе друг к другу (и через это — к Нему). Восточный подвижник VI века авва Дорофей сравнивал Бога с центром круга, а людей с радиусами, чем они ближе между собой, тем ближе к Центру. Вот мистическая основа для экуменизма.

Второе, чего Вы касаетесь, это «свобода и мудрость» в западной Церкви. Опять—таки могу судить лишь по литературе и по жизни католиков у нас.

Слов нет, в силу известных исторических причин христианство в Византии, на Руси и в древневосточных (дохалкидонских) Церквях имело меньше влияния на мир, чем на Западе. Я говорю не о внешнем влиянии, его было достаточно. Быт, искусство, обычаи — все на Востоке было проникнуто христианской терминологией, образами и темами. Можно сказать, не было формального разделения на Церковь и мир. Но по существу была пропасть. Именно в силу этого, как верно подметил Вл. Соловьев, лучшие силы византийской Церкви уходили в пустыню. Западная же иерархия, более мобильная, авторитетная и «культуртрегерская», содействовала тому, чтобы реально христианизировать общество. Конечно, и тут были провалы и ошибки. Но в целом ее воздействие было более эффективным. Отсюда и та «мудрость» в диалоге с миром и с человеком, которую вы отмечаете. На Востоке эта мудрость есть тоже, но она не выходила обычно за рамки частного душепопечения. Это очень важная сторона духовной жизни, но общественная роль Церкви была принижена, что имело свои последствия. Сегодня же в начинающемся диалоге две мудрости могут взаимодополнять друг друга, служа единому и вечному идеалу.

Надо сказать, что на Востоке, где иерархия всегда была слаба, западная организованность у одних вызывала восхищение, а у других — обвинение в попрании свободы. Не будем кривить душой, но многие века церковная дисциплина сильно сковывала католиков, что приводило к уродливым явлениям. Может быть, для Средневековья это еще как-то оправдано, но с XIV–XV веков «декретирование» стало навязчивым. Оно в какой-то мере вызвало Реформацию и секуляризм. Духовная сила подменялась дисциплинарными мерами. Особенно болезненно это проявилось в XIX веке при Пие IX. Таким образом понятно, почему православные и протестанты настаивали на том, что свобода — у них, а у католиков — утеряна (в этом смысле характерно стихотворение нашего поэта Тютчева о Силлабусе ^[31]). Однако многие не замечали и другого: того духа свободы, который жил вне зависимости от дисциплинарной сферы. Он проявился у Франциска, мистиков, Данте.

И критики на Востоке проглядели тот момент, когда эта свобода начала заявлять о себе во всеуслышание. Началом открытой борьбы за нее стал II Ватиканский собор. О его роли у нас большинство иерархов, священников и мирян, которые интересуются этим вопросом, придерживается одного мнения: это заря возрождения. Но свобода — тяжкий дар, и, как Вы сами удачно выразились, у многих от нее кружится голова. Опасностей здесь много, но если быть бдительными, Бог поможет преодолеть все кризисы. Ведь кризис — это не так уж плохо: и «золотой век патристики» был кризисным!

Все это подводит нас к третьей теме, поднятой Вами, теме, пожалуй, самой трудной: об отношении вероучения к жизни и этике.

Либерально–протестантские богословы типа Гарнака обычно обвиняли Церковь в том, что она заменила этическое христианство доктринальным. Конечно, кое в чем они были правы. Жестокость догматических споров и связанные с ними события, а также преследование еретиков в последующие века показали, как далеко от Евангелия способен увести доктринализм. Мы можем только радоваться, что теперь многие католики, православные и другие христиане умеют ценить дух и нравственную высоту тех, с кем они расходятся во мнениях. Сотрудничество в области этической, которое осуществляет ВСЦ, есть добрый признак. Но в то же время именно его деятельность имеет в себе опасность размывания вероучения, которое лишает христианство его силы. Ведь все св. Писание, включая Евангелие, говорит о конкретной вере в Откровение, воплощаемой в догматах. Вера есть вид познания, и поэтому в ней огромную роль играет постижение истины. Если она вытесняется этикой, все теряет очертания и грозит расплыться. Разве не правы были люди Ветхого Завета, когда отстаивали учение о едином Боге против язычества, разве не правы были Отцы Церкви, когда противились посягательствам ересей умалить или упразднить учение о Богочеловечестве? Ведь спор шел не о нравственных принципах. Они могут быть и вне христианства. Само же оно есть путь к Богу, открывшему Себя в определенных символах. Без этих символов христианская жизнь теряет свою основу.

Естественно, здесь встает вопрос о судьбе заблуждающихся, но если мы чувствуем, что и для них есть некая мера «оправдания», то неужели Господь менее благ, нежели мы с нашими немощами? Итог я

мог бы подвести любимым моим изречением из бл. Августина: «В главном — верность, в спорном — широта, во всем — любовь».

И, наконец, о «священном». С высшей точки зрения все — священо, все принадлежит Творцу. Однако есть моменты жизни, где оно присутствует особым образом. Прообраз этот дан в Библии, где ясно выражено понятие о священном как о «прорыве Бога в мир», как о Его Присутствии. Это исполнилось через явление Христа. Но цель христианства — распространение этого священного на весь мир, на всю жизнь. Отсюда космический характер восточно-христианских таинств и обрядов (освящение св. трапезы в Евхаристии, таинство брака, водоосвящение и т. д.) С этим связано и благоговейное отношение к останкам святых, ибо они, по слову апостола, — «храмы духа». На Западе, особенно в Средние века, это тоже было, но сейчас, видимо, притупилось. Рациональная, техническая цивилизация есть антипод христианской идеи освящения космоса (только Тейяр ^[32] умел как-то соединить эти два аспекта и м. б. его идеям принадлежит большое будущее).

Вы упоминаете Фрейда, но о нем поговорим потом, когда Вы мне напишете о своем понимании отношения Церкви к миру.

Храни вас Бог в Ваших трудах и служении. Прошу молитв. Поклон друзьям.

Ваш прот. А. Мень

27/28 сентября [1974 г.]

Дорогой о. Александр!

Сейчас получил ваше письмо от 23 августа. Послезавтра уезжаю в Европу, так что не скоро вы получите ответ. Тут мои друзья интересуются этими вопросами...

Письмо ваше мне надо обдумать. Я решительно не верю, что склонность к созерцанию Страстей на Западе объясняется тем, что на Западе понимают человечество Воплощенного Слова глубже, чем мы. Я часто безмолвно молюсь в храме Воскресения — то на Голгофе, то у Гроба. Часто бывает, что отхожу от Голгофы (хотя там тихо).

Драма Голгофы меня смущает, отводит от молитвенного настроения, именно потому, что слишком живо переживаю то, что там некогда совершалось. Подхожу ко Гробу, где уже «все совершилось» и — становится тихо и по-христиански на душе.

Об отношении христианства к миру я, увы, вам не пара. Из «Суммы Теологии», по которой я учился, я выхожу неохотно, только когда действительно меня толкает. Лучше вам напишу, как и собирался, о том, как жизнь на Западе побуждает верующих в направлении классовой борьбы — понимая класс в широком смысле, как угнетенных.

Сердечно ваш свящ. Всеволод

20 ноября [1974 г.]

Дорогой о. Всеволод!

Буду ждать вашего ответа с нетерпением. А пока лишь замечу, что вы невольно подтвердили мою мысль. Именно Ваше желание иногда отойти от Голгофы и молиться перед Гробом Воскресения указывает на вашу душевную и духовную принадлежность к восточному опыту Церкви.

С любовью ваш

прот. Александр М.

28 января 1975 г.

Дорогой отец Александр!

Только сегодня берусь ответить на Ваше письмо от 23 августа. Причина задержки — текущие дела, но только отчасти. Я, как и другие, восхищался широтой взглядов и проницательностью того, что Вы пишете, и почти со всем я вполне соглашаюсь, но в общем это не совсем к делу. Извините за критику: имея свободное время, я тщательно обдумываю то, что пишу, но я знаю, что Вы свободным временем не располагаете.

Я тоже недоумевал, почему Вы пишете, или, скорей, как Вы догадались, что я «поднял вопрос об отношении вероучения к жизни и этике». Совершенно неосознанно я его поднял: мысленно я его отложил от прямой цели нашей переписки. Этой цели (объяснить, почему трудно православному общаться с католиками) я, кажется, достаточно добился. Потому во второй части этого письма я коснусь данного вопроса, а следующее будет, так сказать, иллюстрацией.

В молитве католик чужд чувству общности с другими (кроме настоящего монаха в своем монастыре). Он один перед Богом. Больше того, ни о каком чувстве радости в молитве обычно не говорят, разве только о радости о духовном мире. Во всяком явлении радости они склонны видеть особый путь, мистический. Но если радующийся

радуется слишком постоянно, то его путь не подлинный. Ибо для них мистический путь — в основном путь страдания.

Говорю, напоминаю о традиционном католицизме, а не о новом духе. Кроме того, на Западе, конечно, встречаешь немало сияющих душ, хоть и меньше, чем у нас. Говорю о трафаретном понятии. Недаром Геббельс противопоставлял «идеал страдания христианства» своему идеалу. Хоть и несправедливо, это метко сказано о католиках. Мне как раз случилось сейчас высказать свое мнение по поводу одной книги, которая хорошо иллюстрирует католический «долоризм» [33]. Авторше — 85 лет, и поэтому она хороший представитель традиционного католицизма. Общая тема — о смерти. Ни эта дама, ни духовные лица, к которым она обратилась (главным образом, иезуиты: Даниелу [34], Рикэ [35]), не указывают на то, что необходимость смерти полагается приветствовать: по-моему, радостно пройти тем путем, который был нам открыт Христом. Об умерщвлении плоти она пишет:

Il est raisonnablement inconcevable que nos petites ou grandes souffrances ou privations puissent rejouir l'infiniment bon (...L'ascese est un acte d'amour, et un moyen), puisqu'elle nous donne l'occasion d'expier ce qui, dans ce monde ou au-delà, doit être expié. Il nous revient d'expier notre purgatoire, ce purgatoire sur la nature duquel ou duree comme en intensite nous ne savons rien, sauf qu'il est inevitable. (...) Mais les saints? (...) Devant le mystere de la saintete, notre faible entendement recule. (...) Il est bon de noter que nos saints ont toujours ete des exemples d'equilibre et de joie. (Jean Portail. *Savoir mourir*, ed. SOS, 1974, pp. 52–54) [36].

Авторша очень далека не только от легенды об апостоле Андрее, но и от Франциска. Но они — «мистики». Совершенно в другом духе пишет о чистилище ровесник автора, нетрадиционный католик, который является одним из источников нового духа. Он обращается к Пресвятой Деве:

Nous ne demandons rien, refuge du pecheur,
Que la derniere place en votre purgatoire,
Pour pleurer longuement notre tragique histoire,
Et contempler de loin votre jeune splendeur.

Charles Peguy. Pelerinage a Chartres, vers 1910 [37].

Относительно пути одиночества перед Творцом, свойственного католикам, он действительно уже сам по себе трудный и крестный. И мне, живущему среди католиков, чуждых чувству общности, не было

открыто другого пути. Это — царский путь и, как указывает корнесловие, — путь монаха. Но тот факт, что западные монахи знают и другой путь, указывает, насколько бытовой католический взгляд — односторонний. Однако стоит призадуматься о том, что рядовому католику предлагается только один путь — наивысший.

Путь суровый, да. Но сам он вовсе не ведет к страданиям или к созерцанию Страстей в том понятии культа Страстей, что принят на Западе (Франциск). Вот Вы говорите, что надо соединить восточное и западное благочестие. Легко сказать. Российская Церковь, по крайней мере, широко восприняла от Запада культ Страстей. Но самые кровавые, «итальянские» Распятия у нас отличаются выражением Лица. Художник изобразил не самую агонию, а момент смерти, когда уже «все совершилось». То, что нас смущает в попытках написать икону Моления о Чаше, это не столько художественная нищета, как факт, что икона не совершенна: не хватает утешения. Вы помните, в житии Тихона Задонского, как он лежал больной перед Распятием и как он вдруг бросился целовать ноги Распятого со слезами радости. Этот момент вовсе не понятен рядовому католику. Говорят: «Это какая-то опечатка». Вам известно, что духовное упражнение в 14-ти Стояниях Крестного Пути пользуется почти официальным признанием в католической литургии. 14-е Стояние есть Положение во Гроб, и только редкие верующие стали недавно прибавлять и 15-е — Воскресение.

Тут мешает западному христианину крайняя бедность в области чувств, словаря западных языков (кроме м. б. немецкого). Такого слова как «умиление» вовсе не существует, и, следовательно, одновременное совмещение радости и печали для них невыносимо. Конечно, само чувство им не чуждо, но, кажется, я о нем никогда ничего не читал.

После такого нападения на католиков (мои друзья говорят, что я вообще — циник), я с радостью перехожу к хвале: о свободе и мудрости, и о смежном вопросе об отношении Церкви к миру.

Я знаю, что православные духовники очень гуманны и нередко немало опытни в чисто духовных вопросах. Западный духовник — тоже довольно гуманный. Окончив семинарию, священник спешит забыть курс «морального практического богословия», который он зубрил. Ибо, как любит говорить мой брат, он ни богословский, ни моральный, ни практический. Теперь этот курс больше не преподается,

а у нас, доминиканцев, вовсе никогда не существовал. Преподавалась одна только *Summa Theologica* [38]. Чисто духовно рядовой западный духовник менее мудрый, но тоже нелегко относит к Богу или к дьяволу то, что происходит от чисто психических причин.

По отношению к мирскому человеку восточный духовник — широк. Но если духовный сын желает оцерковляться, то духовник должен налагать на него неудобноносимое иго. Духовник требует, чтобы он отошел от мира. Ведь сама Иисусова Молитва есть полный отход от мира, и поэтому я редко в ней упражняюсь.

Нередко я мечтаю, насколько, казалось бы, более гармонично развилась моя духовная жизнь, если я остался бы православным. Но это неверно. У православных я не нашел бы опоры в моих довольно тяжелых психических недугах, ни просвещения и руководства в моем особом созерцательном пути. Поэтому я сказал, что у католиков особая свобода: духовник освобождает человека от самого себя. Как Вы теперь видите, я говорил о свободе и мудрости в области душепопечения.

Католическая мудрость — разносторонняя. Она исходит от особого взгляда на мир. Надо различать два момента во взгляде богослова. Когда он сталкивается с заблуждающимся собеседником, то он отстаивает истину. Но когда, в тишине своей кельи, он изучает иномыслие, то его главным образом интересует то, что обогащает его понятие о христианстве. Он созерцает, ибо все человеческое — говорит о Боге, и все человеческое — освещается познанием о Боге. Этот истинно платонический взгляд далеко не чужд католикам, ибо это есть взгляд самого Фомы Аквината. В предисловии «*Summa Theologica*» он пишет: (Ia, q. 2, Introd.) *Quia igitur principalis intentio hujus sacrae doctrinae est Dei cognitionem tradere, et non solum secundum quod in se est, sed etiam secundum quod est principium rerum et finis earum, et specialiter rationalis creaturae, ad hujus doctrinae expositionem intendentes, 1) tractabimus de Deo (: la pars), 2) de motu rationalis creaturae in Deum (: 2a pars), 3) de Christo, qui, secundum quod homo, via est nobis tendendi in Deum (: 3a pars)* [39].

Он тоже пишет: (Ia, q. 32, a. 1, ad Ium) *Quod Trismegistus dixit, «monas monadem genuit, et in se suum reflexit ardorem», est referendum (...) ad productionem mundi. Nam unus Deus produxit unum mundum, propter sui ipsius amorem* [40].

Нужно признаться, что многие богословы не сознают, что их основной взгляд — платонический. Но тип созерцания, вытекающий от него, очень распространен у западных богословов, и мне кажется, что им объясняется такой богослов, как Тейяр. «Созерцать, и созерцаемое другим передать» есть девиз доминиканцев, и потому я доньне люблю себя считать доминиканцем.

Данный тип созерцания свойственен богослову, но от него вытекает некая нестрашимость, некая зоркость по отношению к миру, которая находится у рядового духовника, и у самого верующего. Это — соборная мудрость. Можно считать, что только стройная и авторитетная иерархия дает возможность развиваться такой мудрости. Но, конечно, дух декретирования ее удушает.

13 февраля 1975 г.

Дорогой отец Александр!

Сегодня расскажу кое-что о себе. Господи, благослови! Не легкий труд. Ведь это история Божьей благодати.

Дедушка мой — молдаванин. Фамилия когда-то писалась Рошкау, а не Рошко. Папа был черноморцем, но оставил службу скоро после брака. Мама моя — из петербургских купцов: моя бабушка была Синягиной. Родился я в 1917 г. в Москве. Через год или два мы покинули родину. Родители мои разошлись. Когда мне было 5–6 лет, мама поселилась во Франции, в Париже, а папа тоже во Франции, но на юге. Папа воспитал мою сестру, я же с братом был у мамы. У отца я побыл только, когда мне было 16 лет: до того я его только раз видал.

Мама решила сделать из нас французов, тяжело трудилась, чтобы нас воспитать. Сказала, что радуется за нас, что мы потеряли наше богатство, ибо богатство извращает. При разводе мама потеряла веру, ибо священник, перед которым они явились (мамина последняя надежда), не попытался их примирить, а только потребовал крупную сумму. О религии мама говорила, что мы сами решим, когда вырастем.

И вот что случилось. Когда мне было 13 с половиной, а брату 15, мама, брат и я, каждый со своей стороны, нашли веру. Мама бывала в церкви раз в году, «заказывала» панихиду на память своего горячо любимого отца. В этом году она горько плакала. Священник стал ее расспрашивать и, узнав, что она неверующая, отслужил и молебен. Это

оказался знаменитый отец Георгий Спасский [41], за три года до его смерти.

Брат, вообще очень способный и страдающий с младенчества головными болями (следствия менингита), был не по годам развит, имел свое собственное объяснение мира и себя считал деистом. Его поразили свет свыше без определенных внешних влияний.

Я тоже был развит, но не по делам мира сего. Мама, еще неверующая, вопреки своему решению сделать из нас французов, нас послала в летний лагерь русских скаутов. Узнал о России, но мало о вере. Но вот стою, по поводу благодарственного молебна, в том же Парижском соборе, где мама (до или позже, не скажу) возобновила свою веру. Стою и соображаю: вот тут смысл жизни, о котором мне никто не говорил. В этих обрядах, в этом стоянии — высшая мудрость. И тут же решил, что я христианин, и стал мечтать о том, чтоб быть священником.

Мы рассказали друг другу свои переживания. Правда, на мои особенно внимания не обратили: по сравнению с братом меня считали недоразвитым. Да и сейчас мои меня считают полублаженным. Точно говоря, это не было у меня обращением: одно событие моего раннего детства доказывает, что уже тогда я мог дать своим католическим товарищам пример сознания святости Божьего храма.

Мама стала ходить в церковь, но нас предоставила самим себе. Я тоже стал ходить. Раз я поисповедался у о. Спасского, а после его кончины у его преемника, о. Ельчанинова, тоже один раз. Я почти не говорил по-русски (тогда как в раннем детстве я и писал).

Брат решил стать католиком, хотя не был знаком ни с одним католиком. Чтобы подготовиться, он испросил у мамы разрешение провести год в закрытой католической школе, в провинции. Мама и меня послала заодно. Я воспользовался этим, чтобы научиться основным христианским истинам. Но моя встреча с католиками меня вовсе не увлекла. Я только говорил себе самому: «Все, что они делают, очень глупо. Однако нельзя сказать, что у них меньше святости, чем у нас. Значит, должна быть у них какая-то особая помощь свыше». Мне было тогда 15 лет.

После просвещенной и свободной парижской жизни пансион был для меня одно что тюрьма. Я очень похож на своего отца, мама этого не понимала, и наши взаимные отношения были одно мучение.

Молитесь о ней, р.[абе] Б.[ожией] Марии, она скончалась трагично. А отец мой, тоже покойный, — Леонид. После такого детства понятно, что я страдаю психическим расстройством. При отсутствии морального воспитания я презирал своих неразвитых товарищей, презирал и телесную жизнь, игры, спорт. Наступил кризис. И вот я, 15-летний, не сплю по ночам, находясь в тупике, в полном отвращении от самого себя, в отчаянии. И вдруг, кажется, во второй ночи, я чувую, что Кто-то стоит у кровати и что-то спрашивает от меня. Сердце у меня просияло. Что было мне сказано — неизречимо, но я с того дня стал исправляться, даже наложил на себя епитимью (откуда я это взял? А выбрал очень кстати). До сегодняшнего дня стараюсь любить ближнего, но мало успеваю.

Не совсем об этом Вы меня спрашивали, но я хочу, чтобы узнали на родине о великой Божьей милости надо мною, изгнанником.

По окончании учебного года в провинции мама послушалась совета моего брата и послала меня в лагерь католических скаутов. Там я познакомился с католической элитой, и я решил временно продолжать связь с ними, хотя это должно было затормозить мое православное и русское воспитание. Это было требование духовной жизни. Я продолжал ходить в православную церковь сколько мог. Год спустя я прожил год у отца и, не находя в провинции той элиты, стал даже прислуживать регулярно в русской церкви.

Окончив среднюю школу, я решил стать монахом — православным, конечно. Но отец мой духовный был католик (доминиканец). Вообще, хотя мой взгляд на кат.[оличество] с 15 лет. возраста до сегодняшнего дня не изменился, я решил дать срок Господу, чтобы Он мне дал знать, в случае Он желает меня видеть католиком. Но Господь предоставил решение мне самому. Вот, мне 18 лет, сижу над книгой (впрочем, не доминиканской) и созерцаю тем созерцанием, которое я Вам описал в последнем письме. Решаю, что хочу посвящать свою жизнь такому созерцанию. Значит, я должен стать доминиканцем. Значит, я должен стать католиком. Так я и сделал.

Мой брат был тогда семинаристом. Он напрасно старался меня увлечь католичеством. Особенно меня отталкивали униаты.

Доминиканцы, пока учатся, жили (тогда) полной монашеской жизнью. Между тем, я думал, я найду ключ католической сплошной

обрядности. Но того ключа я не нашел, да его и нету, как я убедился только недавно, когда католики стали переделывать все заново.

У доминиканцев я блаженствовал, но жестоко страдал из-за непонимания других, даже недоверия со стороны молодых и некоторых настоятелей. После 6 лет они отказали меня связать досмертным обетом. Я же во всем этом видел только недоразумение. Поставил себе целью быть принятым снова у доминиканцев, а пока я приготовился к священству. Стать латинским священником, приходским, я бы не вытерпел. Так я и стал униатским священником.

И глупо и грешно, каюсь, но только когда мне стукнуло 35 лет, я перестал целиться к тому, чтобы быть опять принятым у доминиканцев. Возобновляя синтезис своей духовной жизни, я решил его искать не со стороны ума, а со стороны сердца. Ум меня далеко не ввел: слишком меня тяготят необузданные страсти. А то откровение любви, которого я удостоился в юношестве, лежало во мне как зарытое сокровище.

Попросился к Младшим Братьям отца де Фуко ^[42]. Приняли меня с любовью. Но и тут мое трудное психическое равновесье, моя чуждость к сплошной латинской обрядности были неодолимым препятствием. А униаты, они — отчаянны (имеют своих подвижников). Настоятель мне предложил стать, так сказать, «монахом в миру». Лучшего перевода не найти, но от мира мы и духовно не отходим. В следующем своем письме я упомяну о двух из них: епископ Риобе и свящ. Секундо Галилея («левые католики»).

О своих связях со Святой Землей я сегодня не расскажу. Так было Господом устроено, что я удостоился дать свой досмертный монашеский обет в самом храме Христова Воскресения. Я тогда жил в очень суровом и сыром краю и стал тяжело болеть от хронического бронхита. ^[43] Мой брат мне сообщил, что они открывают отдел в Иерусалиме, и охотно приняли бы восточного священника. Так я переселился сюда 9 лет тому назад. Благодаря сухому климату мое здоровье поправилось, и множество православных храмов мне позволяют бывать еженедельно на службах. И тут легко молиться.

К доминиканцам я остаюсь близким, но мало приходится с ними встречаться. Для Младших Братьев ^[44] я часто служил, но они закрыли Иерусалимское братство: слишком тяжело жить у арабов, не разделяя их ненависть к евреям. На Младшие Сестры ^[45] я махнул: слишком

пристрастны оне или к арабам, или к евреям (есть два «братства»). И слишком оне упорны в своем униатстве. Со своим настоятелем я поддерживаю письменную связь и его посещаю.

Получил Ваше письмо от 23-го. И Шура ^[46] получила письмо. О Раули ^[47] я Вам послал, вместе с другими трудами, которые могут Вас интересовать, не его труд об апокалиптике, а труд о вере Израиля, который я случайно достал. Или Вы недосмотрелись, или получили не от меня. Об апокалиптике нужно ли заказать? Получили ли горшочек кумранский? Мое следующее письмо будет о «левых католиках».

*Сердечно Ваш
свящ. Всеволод*

Шуре когда-то захотелось заняться Amiel'ом. Я приобрел его журнал 1866-го года. Но мы никогда им не займемся, потому что Шура его ставит на облака, а я отношусь довольно равнодушно — хотите, я Вам пошлю.

21 февраля 1975 г.

Дорогой о. Всеволод!

Рад снова продолжить начавшийся диалог о различии и сходстве наших исповеданий. И хорошо, что мы с Вами не «богословы» в узком смысле слова! Впрочем, Ваше письмо от 28/1 — целый трактат, богатый разнообразными мыслями; так что даже не знаю, смогу ли Вам ответить на все достаточно удовлетворительно. Попробую разбить все на пункты.

1. О смерти и страдании. Думается, что опасно их идеализировать. Мы не переживали бы так пасхальное таинство, если бы смерть не представлялась нам торжеством темных сил, «последним врагом», как называет ее апостол. Некая условная ее поэтизация и наша вера в бессмертие смягчают мысль о бесконечном уродстве смерти. Я хоронил многие сотни людей всех возрастов и почти всегда ощущал смерть как величайшее поругание, унижение человека. В трупе, как правило, обнажается жалкая беспомощность и слабость духа. Поэтому-то прохождение Христа через ад есть крайний предел божественного кенозиса. Верим же мы не столько в бессмертие (по Платону и др.), сколько в Воскресение (о нем говорит «Символ веры»). Это чаяние — одно из самых грандиозных и захватывающих и в то же время — самых трудных в христианстве. Трудность его в том, что

бессмертие в какой-то мере раскрывается в умозрении и опыте, а воскресение — чудо. Об этом писал еще во II веке Афинагор. Проблема заключается в том, как научиться по-новому говорить об этой тайне. Я за то и люблю Тейара, что он делает попытку что-то осмыслить и даже представить в этом направлении. Ведь в сравнении с Грядущим наш мир — лишь эмбрион. Но с другой стороны Вы правы: раз смерть стала путем Христовым, она в каком-то смысле теряет свое «жалю». Это относится и к страданию. Само по себе оно есть зло (иначе Христос не исцелял бы людей). Но Его крестный путь возвысил и преобразил страдание. Я не берусь судить о чистилище, о котором Вы приводите цитаты. Наверно, очищение души от приросших к ней грехов — процесс нелегкий. Но я буду говорить лишь об этой жизни. Думаю, прав был Монтень, говоря, что считать страдание самоцелью — абсурд. Все созданное Творцом — создано для блага. Но таков наш падший мир, что в нем добро непрестанно сталкивается со злом, порождая тем самым страдание. Для христианина страдание часто (хотя и не всегда) может стать «крестом» и обрести преобразующую силу. Оно «выжигает» (или, если хотите, искупляет) грех, учит сочувствию, закаляет веру, дает верную оценку миру и нам самим. Однако «навязывать» христианству «идеал страдания» мог разве что Геббельс. Конечно, были и у нас такие уклоны, но разве не «блаженство» обещает Христос Своим верным? Не с этого ли слова начинается Нагорная проповедь? Однако в мире, полном зла и греха, «блаженство» невозможно достичь вне «креста». Ведь и сам Бог страдал и страдает в этом мире. Можем ли мы изменить Ему и оставить Его? Иными словами — цель наша лежит, разумеется, не в страдании, а в победе над ним, в просветлении духа. И в этом есть, пусть слабое, подобие и отражение победы Господа над смертью. Уход из жизни многих праведных людей я так и переживаю: как одоление смерти. И мало того. Страсти Христовы приобретают совершенно особый смысл, если вспомнить, что они совершались за людей. Точно так же крест каждого неотделим от со-страдания и само-отвержения.

2. О созерцании. Вы очень хорошо говорите об этом. Могу лишь добавить, что «платонизм» здесь может быть лишь начальной ступенью. Сам по себе он не-и до-христианский. Такое созерцание есть в любой мистической религии, хотя бы у индусов или суфиев. Но наше созерцание отличается от всякого другого тем, что оно

«христоцентрично». Не абсолют или мистический, абстрактный символ становится его средоточием, но Христос, живой и подлинный. У Бога есть только один абсолютно реальный облик — это Лик Иисуса. Хотя, конечно, Творца можно постигать и другими путями. Но для нас евангельский путь — центральный.

3. О различии опыта в конфессиях. Говоря еще раньше о многообразии этнопсихологии, я упустил один важный аспект: плюрализм психологических типов в рамках одной культуры и народа. Я бы выразился афористично: сектантом не становятся, но рождаются. Какой же вывод? Очевидно, тот, что в церковной жизни следует развивать плюрализм форм, которые бы находили созвучие у людей разного типа. Конечно, я понимаю, что об этом легче говорить, нежели что-то сделать. Но кажется, многие уже стали понимать, что терпимость к иному религиозному опыту есть не обязательно плод индифферентизма, но и плод интегрального понимания задач Церкви.

4. О душепопечении. Вопрос очень сложный. По-видимому, пришло время разграничить роль исповедника и духовника. Первый — лишь совершитель таинства. Он нужен всем и всегда. Второй имеет локальное и более трудное призвание. Он действительно берет на себя водительство душой и в какой-то мере снимает с нее бремя самости. Наверно, этих духовников нужно было бы готовить в особых центрах или монастырях, чтобы они оказались способными стать своего рода христианскими «гуру» (простите за индийский термин). У нас пока это все в зачатке. Старчество как институт практически исчезло. Все отдано импровизации, от которой многие (в том числе и я) очень страдают. Но утешительно уже то, что проясняется задача и разделение призваний.

5. В дополнение. Прочел наконец первый том «Итогов богословия XX века»; писал Вам об этой книге раньше. Там в довольно поверхностном изложении православного богословия есть очень важное замечание. Автор утверждает, что православные не различают размышление о божественном (теологию) от углубления духовной жизни. Это, однако, идея вовсе не только наша, она восходит к Отцам Церкви. Автор говорит, что она чужда западному христианству. Не могу поверить! Ведь богослов без духовной жизни и молитвы был бы похож на искусствоведа, не чувствующего произведений искусства, их красоты. С прискорбием должен признать, что авторы книги зачастую

кажутся похожими на таких искусствоведов, настолько «бездуховны» их статьи и «секуляризированы». Вы знаете, что я очень далек от конфессионального шовинизма и верю в единство Церкви. Но большая часть написанного произвела на меня жалкое впечатление (простите и извинитесь, если среди авторов есть Ваши знакомые). Во всем чувствуется «антропоцентризм», подменяющий «теоцентризм» как якобы устаревший. Эта мысль есть измена духу Библии. Авторы говорят о секулярном мире как самодовлеющем, благополучном, триумфальном. Для них оказались закрыты и трагедии, и болезни цивилизации. Рассуждая о XX веке, они психологически живут еще в XIX–м. Им кажется, что христианству осталось только потесниться, что мир столь доволен собой и совершенен, что не нуждается в вере. Опыт мой невелик в сравнении с их опытом, но и я не в пустыне живу. Странен мне этот их комплекс неполноценности! В книге много говорится о том, что нужно признать правоту секулярности, чтобы вести с ней диалог. Это бессмыслица. Звучит примерно так, как если бы первым христианам предложили принять всерьез нравы времен Нерона. К тому же о вещах священных в книге говорится в таком же тоне, как о каком–нибудь плане или занятом таракане — поистине «объективистски». Не сказывается ли здесь разрыв духовной жизни и теологии? Конечно, и св. Фома излагал теологию «объективно». Но разве не сказал он сам, что все это «куча соломы» в сравнении с подлинным богопознанием? Так вот весь этот том мне показался похожим на «кучу соломы». Еще раз прошу прощения. И не делайте, пожалуйста, вывода, будто я все западное — ругаю. Мне очень многое дорого и ценно и в богословии, и в духовной жизни католиков. Я искренне люблю Честертона, Льюиса, Гвардини, Тейяра и многих других. Мы иногда переписываемся с каноником Каффарелем (Париж). Его дело, посвященное возрождению духа молитвы, кажется мне огромным. Очень радуют меня и многие комментаторы Библии. Так что говорил без всякого предубеждения. Просто мне кажется, что верность выше человеческой мудрости.

До свидания, дорогой отче. Жду ваших писем. Надеюсь, что когда–нибудь Вы приедете и мы сможем увидеть друг друга. Шуре скажите, что апокрифы с ликованием получил и безмерно всем благодарен.

Братски во Христе прот. А. Мень

19 марта [1975 г.]

Дорогой отец Александр!

С радостью получил Ваше письмо от 21 февраля. Но сперва кое о чем.

«Филон» Даниелу [\[48\]](#) и «Иов» Стеймана [\[49\]](#) больше не находятся в продаже. Непонятно, что получили: «Кумран», я понимаю, — кумранский горшочек, а «журнал» — не понимаю. Не брошюрка ли о Достоевском? Мои парижские знакомые должны Вам послать журнал «Консилиум» [\[50\]](#) вместе с богословскими книгами: Тиллих [\[51\]](#), Жеремияс [\[52\]](#), Додд [\[53\]](#).

Валя попала в неудачный квартал, населенный грузинами-фанатиками. Виновата Шура, которая не соизволила их встретить в аэропорту. Материально им нелегко, но справляются. Так как Валя работает больше в Хайфе, обещали переменить место жительства, но дело не двигается. Постараюсь поспособствовать. Вы когда-то спросили, как относятся в Израиле к христианству. Теперь имею больше опыта: решительно плохо. Общее мнение оказывает сильное давление. Можно дать объяснения и извинения, но факт остается. В больших городах легче. Впрочем, Валя и семья бодры.

Я купил новую автомашину. Налоги были огромны: 200%. Поэтому я должен отложить путешествие в Россию на год. После Троицы о. Николай из Московской Миссии поедет в отпуск и там обсудит, на каких условиях мне лучше поехать.

Я вообще сочувствую тому, что Вы пишете. Ко всем этим вопросам я подхожу только косо, а не по существу, как Вы.

Действительно, нечего закрывать глаза на ужас смерти. Но не только праведники умирают достойно. Будучи слабыми телесно и душевно, дети не ведут эту ужасную борьбу против судьбы. Вспоминаю последние слова одного мальчика: «Мама, приготовь мой чемодан: я отправляюсь в далекий путь». По той же причине умирают достойно «от старости». Мы не знаем, какая смерть нам будет дана. Но пока дух не оскудел в нас, да скажем со св. Франциском:

Laudato si, mi Signore,

Per sora nostra morte corporale... [\[54\]](#)

Будем ли мы страдать много в процессе посмертного очищения от греха? Вопрос не в интенсивности, а в качестве страдания. Мы тогда уже сознательно будем в Божьих руках: не будет той кажущейся

абсурдности, которая нас так мучит в теперешних страданиях. Хорошо говорит о чистилище св. Екатерина де Генова [\[55\]](#). Есть такая, кот. не надо путать с Екат. де Сиена [\[56\]](#).

У христианина платоническое созерцание все во Христе. Ведь и творение мира было дело Слова Божья. Однако такое созерцание мало кому доступно, и сам Фома дает впечатление, что его не достиг. А у рядовых доминиканцев любопытно и жалко наблюдать, как они забывают о Христе или забывают о великой Фоминой схеме. А главное, богословский исследователь не должен забывать, что он и простой верующий. Ни в одной умственной схеме нету места для нашей (личной) непосредственной связи со Христом. В моем письме от 13/II я Вам рассказываю, как я сам поискал более прямой путь.

Различие духовных путей в одной Церкви мало осуществимо. Униатство есть только самообман. Одна шведская знакомая, питая с детства отвращение к протестантству, стала католичкой; несколько лет тому назад стала эфиопской монахиней — и блаженствует наконец. Но обратного пути я примеров не знаю. Когда я упрекаю Софию Алексеевну, что она «католичка», она отвечает: «А вы не знаете, сколько мне стоило отречься от всего русского». Практически я не знаю, какой будет путь наших друзей, но факт, что они себя чувствуют у себя только в православной Церкви.

О душепопечении — тут я Вас не понимаю. Быть старцем есть дар. К тому же старец обязательно и подвижник. Не может быть другая школа, как только монастырь и скит. Не мешает ему знать и психологию. Но пока духовный дар не определен, это опасная наука. Тут я не говорю об опасности современной психологии. Это само собой. Уже давно, под влиянием иезуитов, на Западе преподается психология. Сама по себе она не плоха, хоть и не глубока. Выходит, что когда юноша обращается к священнику как к духовнику, тот отвечает ему на психологической почве, о которой слышал, а не на духовной, которую мало понимает. В сущности, отвечает как безбожник — лучше вовсе не ответил бы. И я, в своей семейной жизни, рано научился молчать о своих духовных переживаниях.

Я — человек очень ограниченный, и «Итоги Богословия XX столетия» мне не по зубам, потому что слишком далекое от моего склада ума. Я разыскал этот труд, но ничего не понял, потому что попал на немецкое издание, а немецкого языка не знаю. О. Конгара [\[57\]](#)

я хорошо знаю, и недавно его возил по городу. Моим профессором он, к сожалению, не был, так как в том году он был в плену у немцев. Он там немало страдал и совершенно забыл русский язык, которому, говорит, он только что научился. Его идеи меня иногда удивляют или смущают, но по его жизни я знаю, что он созерцает что-то Божественное. Действительно, считают на Западе, что теология не имеет отношения к углублению духовной жизни, но ведь нет богословия без созерцания, и нет созерцания без углубления духовной жизни. Когда-нибудь напишу об этом более подробно, если хотите. Это действительно вопрос.

Читая мое письмо, один батюшка спросил, не путем ли подчинения своей воле западный духовник освобождает духовного сына от самого себя. Конечно, я не об этом говорил.

Сердечно Ваш В.

23 марта [1975 г.]

Дорогой Отче!

Спасибо за все то, что пишете от 4 марта. Действительно, мое призвание мне показалось с самого начала как непримиренность с тем, что Церковь разделена. Это меня и поддержало в моих затруднениях. Премного Вы меня ободряете.

О. Буамар ^[58] мне показал Ваше письмо. Вы пишете очень хорошо пофранцузски.

Вашему письму от 21 февраля я кратко ответил 11 марта. Сегодня дам дополнительный ответ.

О духовнике. Под влиянием французской духовной школы теоретическая роль духовника до последних времен всегда приписывалась священнику. Практически, так как женские монастыри очень мало зависят от мужских духовных лиц, роль духовной матери всегда существует, но не титул. «Настоятельница послушниц», какова была Тереза Младшая ^[59], есть не что иное, как духовная мать. В новых конгрегациях, как Младшие Братия, прямо говорится, что духовник, или «директор совести», может быть и не священник. Монах выбирает, кого хочет, но естественно, что молодые обращаются к своему настоятелю. Вообще церковное право тщательно обеспечивает свободу совести. В закрытых духовных заведениях является «экстраординарный исповедник» несколько раз в году, и

каждый обязан явиться ему, хоть на благословение: не обязан ни о чем говорить.

Просмотрел 1-й том «Итогов» уже по-французски. Бегло просмотрел статьи: 1 — о православном богословии, 2 — о физике, 3 — о психологе. О 1-й — поговорю ниже. На 2-ю я обратил внимание потому, что автор, о. Доминик Дюрабль, мне очень близкий. Не надо его путать с его братом, Андрэ-Мари — он библиист, тоже мой друг и бывший профессор, но не значительный ученый. Доминик был очень близок к моему покойному духовному отцу просто потому, что учились вместе. В статье о. Доминика я ничего не понимаю, как и не понимал его лекций. Но житейски знаю, что о нем нельзя сказать все, что Вы пишете вообще. Именно он научил меня объективности. Он придерживается странного мнения, что профессор не должен считаться с уровнем своих учеников — а это был наш первоначальный год. Скоро сообразив, что я совершенно растерян, он стал мне давать частные уроки, которые состояли в том, что я должен был понять Физику Аристотеля, через комментарий св. Фомы. В конце года, на устном экзамене, он мне дал почти максимальный балл, 23/25, что, подчеркнул ректор о. Шеню [\[60\]](#), большая редкость с его стороны. Статья о. Конгара, о котором я говорил в последнем письме, находится во 2-м томе, кажется, еще не вышедшем во французском издании. Статья о психологе, которая, наверно, особенно вам не понравилась, мне принесла кое-что. Особенно меня интересовали подробности о том, что наркотики (ЛСД) могут действительно открыть человеку пути духовной жизни. Дело в том, что я встречался немало с хиппи. То, что сказано, — очень умеренно. Это — хорошая иллюстрация богослова, изучающего инакомыслие. Вы согласитесь, что о «духовности» наркомана полагается говорить крайне осторожно, как можно больше объективно (страница 184).

Я бы поднял такой вопрос: являются ли «Итоги» богословским трудом? Вообще это скорей справочник. Директор нашего дома удивился, что Вы его систематически прочли. Впрочем, понятно, учитывая, что много трудов Вам недоступны. Собственно говоря, богословское произведение — большая редкость. На основе малого, что я читал, не вижу повода полагать, что авторы не признают истинного богословия, хотя, может быть, сами они уже не способны им заняться, будучи слишком преданы своей специальности. Я не

имею права судить о книге, которую только раскрыл, но не точней ли был бы такой титул: «Суждение богословия о современной науке»? Что истинно богословский труд оскудел, это другое дело. Впрочем, это может быть и не так. Я Вам все обещаю растолкование о «левых католиках» (Консилиум, статья Секундо Галилеа).

Наконец, об объективности богослова. Лили Серториус пишет (стр. 565):

En Occident, la teologie et la piete sont souvent largement separees: quelques individualites seulement se sont preoccupes de leur compenetration reciproque (...) En Orient (...) l' experience religieuse (est) un element constitutive important du travail theologique applique a la Revelation [61].

1. Истинное и полное богословие всегда вытекает от житейских интуиций одной души. 2. Но не всякий воистину богословский труд может называться полным богословием. 3. Много богословских дисциплин только готовят или прислуживают богословию в полном смысле. Автор говорит о богословии в широком смысле. Он не исключает роли личного опыта. Но действительно, во 2 и 3 требуется полная объективность. Да и возможно, что по I типу богословия, творческому, он мало опытный.

1. Чтоб творческий богословский труд не вытекал от сокровенных переживаний одной души — психологически просто невысказано. Вот мы с Вами и богословствуем о наших заветных стремлениях. Я показываю Ваши письма католическим богословам. Кто интересуется этими вопросами, а кто — нет. Но Вас хвалят, и никто Вас не обвиняет в субъективности. Приведу другой пример — о левых католиках. В 1935 г. дружина доминиканцев стала издавать журнал «7». Выходил еженедельно, но и предвидено было, что из него выйдет газета. Журнал поднял много надежд, но и много вражды. Они опубликовали интервью с Леоном Блюмом, главой «Фрон Популяр» [62], где тот говорил, что не видит, почему католики не сотрудничали с ними по социальным вопросам. Тут уже поднялся скандал, и по приказу из Рима издание было прекращено. Удар был велик не только для дружины доминиканцев, но еще больше для их друзей. Настоятель и вдохновитель, о. Бернардо, временно удалился, а другие остались в Париже, чтобы утешать своих смущенных друзей. Когда о. Бернардо вернулся после каких-нибудь двух месяцев, то он привез с собою

рукопись чисто духовно–богословской книги «От Евхаристии до Троицы». Удивлялись, что он смог заняться богословием при таких обстоятельствах, а он отвечал: «Мон шер, если бы я этим не занялся, я бы издох!»

(Эта книга не оказалась, по–видимому, столь замечательной, раз о ней больше не говорят. Но это другой вопрос. Членом дружины был мой покойный духовный отец, о. Maudieu. Один из его сотрудников был его друг писатель Мориак, столь консервативного нрава. Стоит заметить, что каждый отец этой дружины был когда–то членом Акцион Франсез [63], т. е. крайне правым. Наследником этой дружины является теперь журнал Международная Католическая Информация, который уже не считается теперь крайне левым.)

2. Тип истинного богословия, но не полного, есть труд комментатора Св. Писания. Когда о. Бенуа [64] толкует «Тебе самой оружие пройдет душу» и определяет, что в личности Марии олицетворяется весь Израиль, его личный духовный опыт ни при чем. Его личная благодать только определила его общий подход к Св. Писанию. Наоборот, силою объективной науки он отстраняет как не текстуальную, традиционную (и уважаемую) интерпретацию: католический пиэтизм даже говорит о семи оружиях, т. е. семь слов, сказанных Иисусом на кресте. На Голгофе есть как раз такая статуя М. [атери] Б.[ожией] с семью мечами в сердце. Полное богословие, если того стоило, как–нибудь соединило бы оба понятия, выходя из рамок библейской науки. Другой тип не полного богословия есть труд богослова–историка. Я много писал о Германе Аляскинском [65], особенно подробно об обстоятельствах его смерти. Вследствие чего он мне очень близок, но постериори [66].

3. Труд не поистине богословский, но служащий богословию, есть комментарии богослова об иномыслии, как статья о психологе в «Итогах».

В заключение можно признаться, что истинное и полное богословие сейчас не в моде, или точнее, стремится открыть новые пути как (но не только) «левое христианство». Такому оскудению я вижу три причины. 1. Вес схоластического механизма в прошлом, а в наши дни — науки. 2. Недооценка созерцания в нашей цивилизации, которая одна оплодотворяет богословие, как и всякую другую науку. 3. Здоровое отвращение от аматеризма [67]. Я бы

сказал — святое отвращение, которого так не хватает русским богословам, особенно мирским. Ведь с трепетом полагается подойти к слову о Боге. Это есть продолжение дела Воплощения, неформальное таинство. Мышление Соловьева оказалось полезным, но оно возникло от маятника своих любовных опытов. Жалкий «Столп и утверждение истины» православия [68], трактат, не говорящий ни одного слова о Христе, заверяя в предисловии, что «можно стать католиком или протестантом по книгам, нисколько не соприкасаясь с жизнью — в кабинете своем». В богословии субъективизм — кощунственный. Но я, конечно, знаю, что не о таком богослове Вы пишете.

И мне ли негодовать? Я вам вовсе не пара, ибо никакой я не богослов. Кроме моих трудов о Германе и об Иннокентии Московском [69] (на Аляске) ничего мудрого я никогда не высказал, и только потому я с Вами мудрствую, что не могу отказаться, хоть и недостойн. И радостно мне с Вами переписываться.

Еще о духовнике. До 1914 г. послушники обязаны были исповедоваться у своего Настоятеля Послушников, что соответствовало доминиканской традиции. В 1914 г. новое церковное право, наоборот, запретило исповедоваться у Настоятеля вообще. Доминиканцам дали «индулт» [70], разрешая исповедоваться у Настоятеля Послушников. Цель — чтобы настоятелю не мешало его знание тайны исповеди. Но так как Настоятель Послушников есть практически всегда и духовный отец, выходит то разделение, о котором Вы говорите (кроме у доминиканцев). «Монашествующие монахи», т. е. moines [71], а не religieux [72], свято хранят понятие, что «аббат» есть «отец». Хотя не все монахи его прямые духовные чада, он, так сказать, высшая инстанция даже в области личной совести. Это нередко причиняет трения, особенно в женских монастырях, когда группа монахов не соглашается с его духовным руководством, как и видно в жизни Терезы Младшей. В семинариях есть один «духовный директор», но семинаристы не обязаны исповедоваться у него. Исповедник, кто бы он ни был, не имеет права голосовать о судьбе семинариста (кроме у доминиканцев). Даже у доминиканцев со мной случилось, что Настоятель Студентов сказал моему духовному отцу, что он посоветуется с ним обо мне, но так и не решился, очевидно, опасаясь его стеснять из-за тайны исповеди.

На днях Костя был со мною на Вербном Воскресении. Он всем интересуется и молчит. Рассказал, что Д. попросили повторить его лекцию в другом классе той же школы.

Оказывается, существует ценное еврейское богословие, особенно у американцев. Закажу для Вас.

Сердечно Ваш В.

10 апреля [1975 г.]

Дорогой отец Всеволод!

Спасибо за письмо от 23/III. Так я и знал, что среди авторов «Итогов» окажутся Ваши друзья! И теперь мне очень неловко, что я столь резко судил об их работе. Впрочем, может и к лучшему, что я не знал этого раньше наверняка и высказался откровенно.

Еще и еще раз напомню Вам, что я не профессиональный богослов, я не считаю себя таковым. И у Вас мне есть чему поучиться и есть что получить от Вас. Вы — старше меня, объездили много стран, имели больше опыта в разнообразных аспектах церковной жизни в мире. Я же — просто священник, всю жизнь служивший в деревне, «богословские» занятия которого не выходят за рамки катехизации (а если и выходят, то помимо моей воли).

К «Итогам» у меня не было, собственно говоря, претензий, но были большие ожидания, которые не оправдались. Я отдавал себе отчет, что книга эта — справочная, но все же она — не словарь, а — связное изложение проблем, внушительное по широте охвата. Я именно и ждал «суждений современных богословов о науке», но вышло иное. Получился обзор данных наук с очень вялым и скромным теологическим комментарием (иногда — почти нулевым). Объективные же данные можно найти в любых других светских справочниках. Кроме того, дело здесь не в форме и методе изложения, но в стиле и духе его. Дух же книги, особенно в разделе о естествознании, отмечен печатью глубокого пессимизма. Она дает авторам противоположных взглядов прекрасный материал. Картина — плачевная. Наука рассматривается как соперник и даже враг. Мне этот подход совершенно чужд и непонятен. С юных лет, когда я занимался естествознанием, оно было для меня неотделимо от веры. Познание мира ощущалось как своего рода «благодетель». В лес и в музей я входил с чувством, похожим на чувство, переживаемое в храме (и сейчас, когда стою в алтаре, ветка с листьями, смотрящая в окно, для

меня дороже многих икон). Жизнь природы для меня была и есть «теология прима». И это не просто мои личные субъективные ощущения. Это же привлекло меня к Соловьеву, а потом — Тейяру.

Авторы же «Итогов» смотрят на науку как на что-то внеположенное, чуждое и опасное вере. С другой стороны, они готовы повсюду капитулировать перед гипотезами науки. Наука строится на опыте, но и духовная жизнь вытекает из него. Это в свое время прекрасно показал В. Джеймс. Это, по словам Ломоносова, две книги Творца, в которых читает человек о Нем. Пример совершенно иного подхода можно найти в работах русских религиозных философов нашего времени (Франка, Флоренского и др.) При всем моем уважении к западным теологам и философам я вынужден отдать этой школе пальму первенства. Жаль, что западные богословы плохо знают это богатое наследие.

Все, что сказано в психологической главе любопытно. О влиянии ЛСД я читал у Лилли, автора исследований о дельфинах. Он написал книгу «Центр циклона», в которой описал свои состояния под воздействием ЛСД. Но мне кажется, что все это опасный путь. Это все та же попытка прорваться в духовный мир насильно, какая была известна в древнем шаманизме, в некоторых аспектах индийской мистики и оккультизма. К Богу нельзя проникать через «черный ход». Это уж не говоря о патологической стороне дела. Адепты доктора Лилли (США) есть типичные шаманы, которые употребляют ЛСД для своей лже-мистики (в святоотеческой литературе это называли «прелесь»).

Вы упоминаете о том, что о. Д. Дюрабль учил вас объективности на основе Аристотеля и св. Фомы. Это очень характерно. Я ценю томизм за его четкую дифференциацию ступеней знания, но в «объективность» не очень-то верю. Ведь человек всегда субъект. Он всегда вносит в познание свой внутренний подход, свою личность. Познание персоналистично. От этого никуда не уйдешь. Аристотель же хорош, по-моему, лишь в сфере низшего разума. Годность его для высокого богословия — сомнительна. Впрочем, я это изложил в своей книге о греческой религии и философии, которую Вы, быть может, когда-нибудь прочтете (если Вам это интересно).

Я убежден, что католические богословы теоретически не разделяют духовную жизнь от мысли о Боге. Но на практике выходит,

что они это иногда делают. Я надеюсь, что это со временем изживется. В этом направлении идут, кажется, «экзистенциальные» мыслители (вроде Марселя ^[73]).

Простите, что я нагружаю Вас всякими проблемами, которые Вам, быть может, не очень интересны. Но, ценя Вашу дружбу, я хочу в двух–трех словах поделиться с Вами своими соображениями по различным общим вопросам. У меня рождается такое ощущение: кто–то должен об этом подумать. Так почему же не мы? На кого надеяться и на кого рассчитывать?

История с закрытием журнала печальна и, увы, вполне характерна. Остается только верить, что век декретизма уходит в прошлое. Пусть бушуют кризисы, истина не нуждается в приказах. Если веришь в нее, то свобода не страшна. Всегда остается критерий Гамалиила, по которому он судил о первохристианстве.

Вы правы, что в нашей религиозной мысли было немало субъективизма. Им были заражены многие, начиная с Соловьева. Но не за это мы ценим его и его последователей. Главное у них — это органическое понимание мира и познания, в котором находят свое место и наука, и теоретическая мысль, и мистика, и богословие.

Хотелось бы знать, что Вы писали о митр. Иннокентии. Я очень ценю его. Его книга для новообращенных до сих пор у нас имеет хождение. Я часто бываю на его могиле. Она недалеко от моего дома (в Лавре). У меня есть обширный труд о нем, 19–го века.

И, наконец, последнее. То, что Вы пишете о монастырском духовничестве, понятно и вполне установившееся в традиции. Но то — монастырь, а вопрос: как упорядочить это для мирян. Правда ли, как мне пишут, на Западе исповедь почти упразднена или стала весьма редкой? На каком основании?

Прекрасно, что Д. снова будет говорить в школе. Меня так волнует эта проблема! Шура всегда пишет об этом в тонах фарса, хотя сама (втайне, быть может) переживает тоже. Я безусловно верю в то, что Священная история еще продолжается и диалог Заветов не кончен. Мы, христиане, слишком много сделали для того, чтобы его затруднить. Вы пишете, что отношение к христианам плохое. Что же тут удивительного? Не мы ли сами породили это в веках? Это дело гораздо более важное, чем кажется на первый взгляд. Популюс Деи, являя типичный образчик человечества, с библейских времен оказывал

Богу противление. Но его призвание неотменимо, и Бог ждет, как и прежде. Как Он задумал, ТАК И БУДЕТ.

Всегда молитвенно вспоминаю Вас и благодарю за дружеское расположение.

С пасхальным лобзанием и приветствием

Ваш прот. Мень

Дата неизвестна

Дорогой отец А.

Второе письмо о «левых католиках». Остается мне сказать об епископе Ги Риобе и священнике С. Галилеа. Оба — мои собратья в нашем «монашеском» объединении. Пора объяснить, в каком смысле наше объединение — монашеское, а также, — каким образом возникло «левое» вдохновение от отшельника о. де Фуко, который, может быть, никогда в жизни не встретил «левого католика». Завоевав северную Африку в конце прошлого столетия, Франция могла еще казаться орудием христианского просвещения. О. Фуко всецело служил французской колонизации. Он посвятил много времени должности военного священника, был и военным советником. Умер он страсготерпцем, но отнюдь не мучеником. Так как он сторожил крепость, построенную как убежище для местного населения, и эта пустая крепость служила военным складом, совершенно естественно, чтобы туземцы, сторонники Германии, на него напали, хоть и напрасно убили. Но о. Фуко решительно выступил против рабства (или, скорей, хотел выступить), которое французские власти одобряли и скрепляли, чтоб завоевать симпатии туземных князей. Со своим поразительным пророческим даром он писал своему духовному отцу, что через пятьдесят лет Франция потеряет свои владения, если так будет продолжать действовать. Что и точно исполнилось. Но его духовный отец, священник знаменитого Парижского прихода «Ля Мадлен», счел, что не дело священника выступать в социальных вопросах. Тут хороший пример, как иногда послушание, или, точней, неуважение со стороны духовного отца вводит в грех. Как заметил наш собрат — Ж. Ф. Сикс, чего только не написал бы Л. Блуа по этому вопросу, если о. Ф. его пригласил бы к себе! Но о Л. Блуа о. Ф. и не слыхал.

О. Ф. — прообраз и вдохновитель разных течений. Присвоить судьбу «малых сих» можно в монашеском образе жизни: это есть Младшие Братья и Сестры. Можно остаться и в миру: существуют и

такие объединения братьев и сестер, состоящих или нет в браке. Так как для братьев, живущих в миру, любовь к ближнему воплощается главным образом на «профессиональной» почве, существует и объединение белого духовенства, в котором я состою, вместе с Ги Риобе, Сек. Галилеа и Ж. — Ф. Сиксом. Наше «братство» теоретически открыто и для женатых священников, униатских или некатоликов, но на самом деле — мы все безбрачны. Поэтому вначале мы естественно шли по монашеской линии. Но мои собратья, которые сильно ощущают свою сращенность со своей епархией, чужды монашескому духу. Увы, у нас в России нет епархий, и поэтому я себя считаю «монахом в миру», в чем я, может быть, и не прав.

Все наши проблемы, включая социальные и профессиональные, мы обсуждаем «соборно», в братстве и с духовным отцом. Сразу после шестидневной войны Младшие Братья уволили брата, живущего в Старом городе (не знаю, насколько он соглашался или просился). Послали двух новых, которые, впрочем, не вынесли раздвоения между арабами и евреями. Если снова откроется арабское братство, то это будет в далеком селе, а не в Иерусалиме. Существуют «братства» Младших Сестер и в еврейской, и в арабской части, но они не ладят между собою, в чем я вижу полный провал в их призвании. Бог с ними; я избегаю встречаться с ними. Но и решение самовластного настоятеля не решило бы вопроса.

Интересный вопрос, впрочем, чисто теоретический: какая в нашем объединении высшая инстанция: настоятель (ле респонсаль) или соборное мнение братства? Отец Войом ^[74], который создал и Младших Братиев, и наше объединение, и много других, считает, что это настоятель. Отец Риобе, который был наш общий настоятель, считает, что это общее решение братства.

Будучи географически и «профессионально» одинок, я не числюсь в (местном) братстве. Когда я общаюсь с братьями, я немало страдаю от того, что не могу общаться с их латинской религиозностью. Во время одного съезда о. Риобе, уже епископ, это почувствовал и мне открыл свое сердце. С тех пор я его посещаю, когда могу.

Прошлой осенью о. Риобе опубликовал что-то вроде автобиографии под видом бесед с православным профессором Оливье Клеманом. Книга пользуется огромным успехом, хотя чувствуется, что о. Клеман на другом диапазоне (православно-богословском) и не

касается тех вопросов, которые я поднял. Да и сам Риобе, хотя говорит о своем «обращении», но это — обращение к Богу любви. Его социальная деятельность сама собою вытекает из него.

О. Риобе — родом из тихого городка Анже. И семья была старомодна, тем более, что мать работала, а его воспитала бабушка.

Оба брата стали священниками. Старший брат — сейчас ректор Католического Университета города Анже.

Дата неизвестна

Дорогой Отче!

Долго не отвечал Вам, так как хотел прочесть Ваши оба письма. Картина, нарисованная Вами, заставляет задуматься о многом. Хотя Вы и говорите, что все эти вопросы «не в Вашей компетенции», однако изложили их весьма интересно и обстоятельно. Естественно, что моя компетенция здесь куда более слабая и наши церковные проблемы довольно далеки от описываемых Вами ситуаций. Однако — христианство едино, и как бы ни были удалены друг от друга его ветви, это не может оправдать равнодушия. Конечно, я мог бы выслушать Вас с молчаливым интересом и вниманием; но думаю, что Вы не для этого только писали. Итак, придется ответить Вам несколькими соображениями человека, стоящего, так сказать, «вне игры». Отвечу, как всегда, по вашим же пунктам.

1. Первый эпизод можно было бы рассматривать юмористически, если бы он не был симптомом тревожных процессов. То, что на этих прекрасных девочек напали с таким ожесточением, показывает, что, по-видимому, многие французы утратили вкус к обсуждению мнений и терпимости. Не знаю, с каких позиций на них ополчились. С позиций сексуальной революции? Ах, какая это старая вещь! Почитаешь Апулея или кого-нибудь из эллинистических и римских писателей — и видишь, что «ничего нет нового под солнцем». Хочу верить, что это увлечение пройдет, как проходит все в нашем меняющемся мире. Даже у животных пол как-то регулируется, а если человек хочет идти против своей природы, это у него долго не протянется. Никак не пойму, как может эта проблема быть связана с «нищетой» и прочим. Хотя да! Ведь есть энциклика «Хумани вите» ^[75]. У нас нет на этот счет определенного церковного мнения, хотя все согласны, что аборт — преступление. Что же касается «регуляции

рождаемости», то здесь мнения расходятся. Наверно, на Западе все это связывают с демографическим взрывом. Но боюсь, что проблема эта не биологическая, а социальная. Если бы люди захотели, они могли бы прокормить еще одно такое человечество на одни лишь средства, идущие на вооружение и пр. Из Ваших заметок вижу также, что девочек ругали за мещанство и желание следовать по пути старозаветных родителей. Вообще я хорошо понимаю психологию западных аутсайдеров из молодежи. Их бунт естественен, хотя вряд ли плодотворен. У нас это уже было — сто лет назад, когда толпы студентов бросали университеты и шли «в народ» (их потом сами же крестьяне вывозили на лошадях, как ненужный балласт — обескураженных и несчастных). Ведь не только жертвенность, и труд и знания входят в служение человечеству. То, что молодежи претит «Буржуазная культура», — вполне понятно. Человек в глубине своей всегда недоволен, и это — залог его поисков. Но негативизм, или, как у нас говорили в XIX веке, «нигилизм» есть безответственная негативность, обреченная на бесплодие. И я уверен, что здоровое будущее любой страны связано не с наркоманами, хиппи и фокусниками, а с такими вот девочками, в которых больше настоящей человечности, чем с их обличителями. Не дай Бог, если христиане этих стран не поймут этого простого и естественного факта. А что их называли «политиками» — это дешевый трюк и недозволенный прием. Ничего серьезного в этом не вижу.

2. В сущности, мы должны радоваться, что для верующих социальные проблемы стали дороги. Однажды я где-то услышал афоризм: «Когда ты голоден — это биологическая проблема, когда голоден человек рядом с тобой — это уже проблема нравственная». Но здесь есть и определенная опасность подмены веры — этикой, духовного — социальным. У нас такую подмену попытался осуществить Толстой и в результате — ушел от христианства. Простите за общеизвестные истины: вера без дел мертва, но и одними делами не спасается никакая плоть. Если христианский журнал, или общество, или орден всецело уходят во внешнюю деятельность, они теряют право на существование как христианские. Стремление к справедливости присуще всем честным людям: будь они мусульмане или неверующие. Проблема наиболее целесообразных и гуманных устройств — научно-этическая проблема. Этика же, хотя по существу

и коренится в вере, но вера ею не исчерпывается. Этика — это удобренная земля, на которой вырастают цветы духа. Если вместо цветов (и плодов) мы будем любоваться одной лишь почвой, вряд ли нас сочтут разумными. Если Всемирный Совет Церквей будет заниматься только проблемами голода и пр., то его с успехом заменит Юнеско или Красный крест. В действительности сегодня как никогда актуальны слова «не хлебом единым жив человек». Хлеб нужен, даже в молитве Господней о нем сказано, но что было бы, если бы мы всю ее свели к прошению о хлебе, как один из героев Ибсена?.. Концепция ненасилия, благородным представителем которой был М. Л. Кинг, мне знакома; развивали ее разные искренние христиане. И опять—таки Толстой ее проповедовал. Но, хотя в ней есть много симпатичного, абсолютизировать ее нельзя. Своих оппонентов я всегда спрашивал: что же были должны делать народы России, когда на них напали нацисты? Сидеть сложа руки и говорить о ненасилии? Нет, даже ценные идеи, когда их доводят до абсурда, становятся опасными. Совершенно согласен с Вами и относительно Лат. Америки. Я как—то читал у Камары [76], что у них от всяких нестроений погибает больше народа, чем от борьбы за справедливость. Но опять—таки рискованно было бы абсолютизировать их опыт. Легко понять чувства Р. Шютца [77], о которых он говорит в предсоборном листке. Но меня радует, что их девиз не исключил и «созерцания». То, что они в Тэзе пытаются сочетать духовность с практической деятельностью, быть может, и придаст им подлинно христианскую силу. В истории христианства призыв к «благотворительности» никогда не утихал (он лежал в основе соц.[иального] учения св. Отцов, как это хорошо показал в свое время И. Зейпель [78]), но теперь стало ясно, что «творить благо» одной лишь филантропией — мало, нужны перемены структур и систем. Опять—таки социальное и экономическое встает здесь в виде этического и, следовательно, нуждается в чисто духовном коррективе. Господь говорил: «Вы познаете истину и истина сделает вас свободными». Я уверен, что Он не разумел под этим пассивное ожидание готовой свободы. Это подобно тому, как дар земли обетованной должен был быть завоеван (борьба Иакова с ангелом, Иисус Навин). Важно только, чтобы борьба не выродилась, как это случилось во времена крестоносцев. Для нас секулярная эгалитарность никогда не может стать целью, а в лучшем случае — средством. Уже

очень давно Платон показал, как крики греческих левых (вроде нынешних маоистов) приводили лишь к еще более тяжелым временам.

3. Очень интересно все то, что вы пишете о еп. Риобе и о. С. Галилеа. Когда я читал биографию о. Ш. Фуко, я ощутил, как сильно тяготение человека, живущего в благополучии, — к трудностям, испытаниям, к тому, чтобы разделить страдания других. У нас не было нужды искусственно искать трудностей. Помню, во время войны как много было проявлено душевного, жертвенного, доброго, человеческого и героического у людей, которые в мирные годы ничем особым не отличались. Моя мама даже говорит, что это было счастливое время, трудное, мучительное, тревожное, но счастливое благодаря нравственному и духовному подъему людей. Сейчас, когда в связи с тридцатилетием конца войны идет множество фильмов об этом времени, я видел, как сдержанные и далекие от аффектации люди плачут, плачут не только от печали за убитых и страдавших, но от волнения, вспоминая о том порыве, который вдохновлял (конечно, как и всюду, люди бывали разные, но поражало именно хорошее и высокое). Поэтому—то люди и смутно тяготеют к трудной жизни. Как писал наш поэт, «а он, мятежный, — просит бури». В силу всего этого я и понимаю мотивы действий «левых католиков». Но опять—таки повторяю, что если борьба, которую они проповедают, останется только внешней, она может дать обратные результаты. Она не должна вытеснять борьбы с грехом, с собственной духовной немощью и слепотой, с удаленностью от Бога. Да и наивность здесь едва ли уместна, а я ее часто ощущаю в «социальных христианах». Простите за многословие. Мне бы Вас слушать, а не рассуждать. Еще раз повторяю, что получил лишь «Reading guide» 4, Раули и археологический журнал. За все еще и еще раз спасибо бесконечное. «Reading guide» интересует меня как опыт популярного комментария Ветх. Завета. Это тема — моя кровная. А об Иерусалимской Библии — не думайте, я полагал, что она недорогая. Меня просто интересуют разные переводы. Ведь в своей работе о пророках я должен был давать цитацию в собственных слабых попытках переводов. Вообще же — подождите посылать, пока не получу остального. А то — Вы трудитесь, а эффект слабый, как видите. Почта сейчас большая, многое может и затеряться. Обнимаю Вас и благодарю Бога за наше молитвенное и духовное единение.

Ваш

5 мая [1975 г.]

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогой отче, поздравляю Вас с восточной Пасхой. Дай нам Бог дожить (впрочем — если и не доживем — это все равно будет) до общей Пасхи. Это письмо пишу в дополнение к предыдущему. Начиная с Лазаревой субботы, почти каждый день был в храме и за стол не садился. Но, перечитав Ваше письмо от 23/III, заметил, что не ответил на Ваше замечание о Соловьеве по существу. И сейчас, приехав от вечерни, решил набросать пару слов по этому вопросу. Собственно — не только о нем (Соловьеве), сколько о всей религиозной мысли, выросшей на русской почве. Эта тема для меня близка, т. к. я очень многим обязан этой традиции (впрочем, весьма далекой от узкой «традиционности»).

Спешу высказаться кратко, т. к. завтра и послезавтра — снова служба. Но не знаю — сумею ли написать сжато.

Я уже говорил Вам, что для меня восточная традиция религиозной мысли дорога не только в субъективно-автобиографическом плане. Я нашел в ней не «теоретизирование», а осмысление живого опыта веры. Этим наша рел.[игиозная] фил.[ософия] генетически связана с патристикой (особенно греческой). Ведь Юстин и Ориген, Афанасий и Василий Великий, Григорий Нисский и Гр. Назианзин были не просто философами и теологами, но и людьми молитвы, подвижниками, исповедниками. Впервые на эту связь теологии и жизни указали два антипода — Чаадаев и Киреевский. Первый высоко ставил практическое осуществление христианства (беря за образец несколько идеализированные западные устои), а второй — указал на необходимость идти по стопам Отцов, чтобы философия и богословие вырастали из бытийственной почвы мистики (понимаемой в здоровом ее аспекте, без уклонов). У обоих было желание оградить христианскую мысль от «идеологизации», привести ее в непосредственное единение с духовным опытом. Вл. Соловьев стал их наследником, соединив принципы обоих в одном лице. Разумеется, у него были и отклонения и ошибки (неизбежные в поисках). Но наиболее драгоценна у него мысль о том, что «отвлеченные» начала не могут сами по себе быть достаточными. Наука, философия, практика социальных действий, теология и мистика, взятые в отдельности и в

«отвлечении», неизбежно приведут к извращениям (ложь — ведь это «часть истины», выдаваемая за полноту). Я не понял, о каком трактате Вы говорите, когда отмечаете, что там нет «ни одного слова о Христе». В его «Духовных основах жизни», «Чтениях о богочеловечестве» и «Трех разговорах» — мысль подлинно христоцентрична. Он, правда, не избежал «субъективности» в своей софиологии, которая была навеяна западной теософией. Но не это делает его христианским мыслителем, а стремление возвести «веру отцов» на новую ступень осмысления. Он наметил пути христианского интегрализма (в хорошем смысле слова) и тем самым оказался предшественником многих новых течений в христианстве. Жаль, что опыт его временами бывал замутнен оккультными стихиями. Но в основе своей он — вполне здравый. Сверив Вашу ссылку, я понял сейчас, что Вы имели в виду Флоренского. Это фигура очень противоречивая и спорная. У него действительно формально нет главы о Христе и вообще Евангелие отходит на задний план в сравнении с Церковью. Печать декадентства, эстетства, двусмысленности лежит на этой его книге, которая, правда, была написана очень молодым человеком (ему тогда было 24 года). Но при всех своих недостатках книга имеет много плюсов. Она написана с большим мастерством, богата материалами и идеями. В ней прекрасно показана роль опыта в христианской мысли. Ее причудливый язык играл роль посредника между Церковью и интеллигенцией. У нас сейчас большой интерес к нему (даже в светской печати). Правда, интерес несколько поверхностный. Его отношение к католицизму обнаруживает неожиданно слабое знание и понимание. Его софиология вызывала сильную реакцию еще до революции. Но все же он шел по пути Соловьева, пытаясь создать нечто интегральное. Его субъективизм есть признак экзистенциальности, которой у него куда больше, чем у формальных экзистенциалистов. Другой уклон был у Бердяева. Но его огромная заслуга в постановке проблемы свободы, и не теоретически, а — жизненно. У отца С. Булгакова тоже были следы декадентства (как дань эпохе), но духовно он жил в Церкви, несравненно больше, чем Флоренский, Бердяев и др. То, что он был замечательным пастырем, молитвенником и экуменистом, делает его наследие очень важным для нас. Его христ. социальные идеи (выраженные в дореволюционное время) имеют огромное значение и не потеряли актуальности. Многие

из того, что он тогда писал, излагает те вопросы, которые подняты сейчас левыми и радикальными католич. и протест. богословами (и многое выразил лучше, тоньше, убежденнее). Наиболее свободны от «субъективизма» Лосский, Франк и Е. Трубецкой. Я верю, что их труды еще будут изучаться и из них почерпнут немало ценного для сегодняшнего дня. Все они были проникнуты мыслью о важности для христианства творчества, активности, соотнесенности со всеми человеческими проблемами. Их книги очень личные и пережитые: это как бы дневники души под оболочкой богословия и философии. Это свидетельства. И тут же образуется мост между опытом и мыслью. Между верой и жизнью. Задолго до Тейяра Бердяев и Франк говорили о ценности материи и мира в глазах христианина. Чтение их книг прямо—таки дает какое—то просветление: это внутреннее событие, а не только усвоение информации. Поэтому мне все эти люди и их труды так близки. Если Вам не попадалась книга о. Александра Ельчанинова «Записи» — очень был бы рад узнать, что Вы прочли ее теперь. В ней удивительно соединены религ. филос. традиция, идущая от Соловьева и др., с подлинно духовной жизнью.

Я не уверен, что все это Вам интересно. К тому же я пишу спешно: мало времени; поэтому получается сбивчиво. Обо всем этом очень неплохо у Бердяева «Русская идея». Но писал я Вам об этом только для того, чтобы как—то объяснить свое отношение и оценку этой «школы» христианского мышления. Подтверждение своему «пристрастию» я нахожу во всех популярных ныне западных работах. Многие из того, что пишут Ранер, Шеню, Любак, Конгар, Бонхёффер, Тиллих и др., у них уже есть и звучит с большей силой.

Еще раз хочу подчеркнуть, что говорю это совсем не для того, чтобы умалить западную традицию. Ее ценности для меня дороги, и большинство указанных авторов (православных) были открыты к ним. Хотелось бы, чтобы и наоборот было. Одной из главных слабостей нашей «школы» была слабая связь с присяжным богословием. Но здесь — вина этого богословия, которое было довольно слабо и консервативно, о. Г. Флоровский пытается доказать обратное, но боюсь, что он не совсем объективен в оценках.

Простите, что написал так много по вопросам, которые Вас не очень волнуют. Меня сейчас это тоже уже волнует не так, как во дни юности, когда нужно было формировать принципы и воззрения. Но не

хочется забывать о тех, кто находится в пути, а для них все это важно. Рел. филос. нашли язык для диалога с миром, а это уже немаловажная заслуга.

Главное же (в чем мы согласны с Вами) — это внутренняя духовная жизнь. На ее основе все и создается.

Будьте здоровы и Богом хранимы. Жду Вашего письма, как всегда, с нетерпением. Обнимаю Вас и трижды пасхально целую.

Всегда Ваш прот. А. Мень

P. S. Получили ли Вы мой альбом и книги?

29 мая 1975 г.

Дорогой отец Всеволод!

Хотя Вы с присущей Вам скромностью сетуете, что мало дали на праздник пришедшим к Вам людям, я тем не менее знаю, что Вы — один из немногих, на кого они могут опираться. Я уже благодарил Вас за заботы и сейчас еще благодарю. Вы сами даже не можете оценить всю важность Вашего участия для этих беспокойных, несчастных и порой потерянных людей. Опыт показал, что все эмигранты из нашей страны очень болезненно переживают общую «перемену климата». Вы уже и так с ними помучались достаточно и уже имеете представление.

1. Еще немного добавлю об отношении западных богословов к науке. Я охотно верю Вам, что лично о. Дюрабль и другие не захвачены пессимизмом. Но объективно — так получается. И думается мне, что дело здесь в том, что их представление о науке (не в плане конкретной информации, а в принципе) принадлежит скорее прошлому, нежели нашему столетию. Минувший век был в этом отношении крайне самоуверен, а век XX уже давно стал на релятивистские рельсы. Структура природы оказывается с каждым десятилетием все сложнее; ученые (особенно в области «точных» наук) все яснее сознают аксиоматичность, априорность, недоказуемость многих из основных постулатов. Поэтому подлинная наука есть путь скромности и смирения. Она меньше всего претендует на обладание абсолютной истиной. Это можно найти в высказываниях самых крупных специалистов (особенно физиков). А отсюда — вывод. Видеть в науке соперника или врага, видеть в ней конкурента веры — это анахронизм. В книге же, которую мы с Вами обсуждаем, это не ощущается. В первых разделах, которые касаются искусства и др.

форм культуры, также упущено, что культура коренится в вере, даже тогда, когда это происходит неосознанно. Их пугает секуляризм, но он по природе своей слаб, и на каждом повороте истории эта слабость дает о себе знать. Трагическое восприятие мира, которым проникнуто современное искусство, — не случайно. Это симптом болезни, разлада, утраты основ. Культура всегда будет нуждаться в трансцендентных источниках. Это опять—таки слабо отражено в книге.

2. Как всегда, наши с Вами совместные размышления о Западе и Востоке затрагивают много важного. В частности, Вы сами усматриваете это в проблеме рационального и интуитивного. В целом Вы правы, говоря, что у нас интуитивное играет первенствующую роль. Однако для меня лично познание (в том числе богословское) далеко не исчерпывается интуицией. Как я, по—моему, Вам уже писал, мне кажется (и в этом я согласен с многими нашими религиозными мыслителями), что есть несколько «уровней» бытия, которым соответствует несколько видов познания (эмпирический, отвлеченный и интуитивный). Во взаимодействии они создают одно целое — синтез. Но ведь это вполне приемлется и в западной богословии? Ведь не кто иной как св. Фома говорил о градации ступеней познания. Опасность лишь в том, чтобы чисто рациональный метод не оттеснил двух других (как было со схоластикой времен ее упадка). На Западе было много антиинтеллектуалистических течений. Ни Кьеркегор, ни Ясперс, ни Бергсон не были детьми Востока. Значит, здесь между нами не такая уж непроходимая пропасть. С другой стороны, Восток тоже боролся за разум (начиная со св. Иоанна Дамаскина — ученика Аристотеля). Думается мне, что развитие богословских крайностей (рационализм и фидеизм) есть результат христианской разобщенности. И вот мы снова с Вами стоим перед дорогой нам проблемой экуменизма...

3. Любопытно, что в отношении исповеди у нас стихийно произошло нечто подобное тому, что у католиков. Возникла и прочно вошла в церковную практику так называемая «общая исповедь». Некоторые (например, такой левый богослов, как о. Сергей Ж. [Желудков]) считают ее наиболее актуальной и уместной. Другие (о. Дм. Д. [Дудко]) — против нее. Она сводится к следующему: священник призывает народ к покаянию, перечисляет грехи, а после этого каждый подходит, чтобы получить разрешительную молитву. Те,

кто хочет, могут остановиться и принести индивидуальное покаяние. Это вызвано числом людей, но, действительно, имеет смысл, т. к. помогает людям осознать свои грехи, «учит их каяться». Говорить с каждым можно лишь тогда, когда людей не больше десяти, двадцати человек. Так что жизнь нам сама подсказала нужные перемены.

Если у Вас возникнут трудности в отношении православных Ваших знакомых, я с радостью постараюсь помочь чем смогу.

Обнимаю Вас, желаю светлых дней.

С любовью во Христе А.

1 июля [1975 г.]

Дорогой о. Всеволод!

Это письмо я пишу как продолжение ответа на письмо о левых католиках.

1. То, что о. Риобе пишет о своем детстве, — отнюдь не только католическая и даже не христианская болезнь. Она паразитирует на всех религиях. Условно обозначу ее как «законничество». И в самом деле ветхозаветный номизм является здесь типичным образцом. Форма всегда имеет тенденцию закрепощать дух веры. Отсюда и все виды ритуализма: от буддийских «молитвенных мельниц» — до тех явлений, которые так горячо осуждает о. Р. Думается мне, что законничество потому так упорно возвращается в сознание людей, что корни его — инстинктивные и подсознательные. Они связаны с «ритуалом поведения», который восходит еще к животному миру. Кое-что объясняет здесь и психоанализ. Всякое живое проявление духа было антизаконническим. Внутреннее — противостояло внешнему. Любовь и вера — механическому авторитету и мертвой букве. Человек, воспитанный в законническом христианстве, — будь он православный, католик или протестант, — когда вырывается из этих тисков, переживает как бы новое обращение, подобное тому, что пережил о. Р. И я глубоко ему сочувствую. С детства насмотрелся в церковной среде этих явлений...

Но обратная тенденция здесь едва ли оправдана. Ведь не даром все же был Закон дан. Против него выступали с огромной силой Тареев, Соловьев, Бердяев, русские левые священники. Им возражали гл. образом старообрядцы (и формальные, и — по духу), говоря, что если пренебречь формами, можно потерять и содержание. И во многом их правота бесспорна. Элемент закона в «этом веке» для нас

практически необходим. «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев...» — говорил Господь. Значит, свобода — это не хаос и не разрушение всех границ. Мне кажется, что внутренняя драма таких людей, как и многих наших религиозных философов, заключалась именно в недооценке церковной дисциплины. Из нее нельзя делать культа, но и без нее плохо. Оптимальное лежит посередине.

Я бы сказал даже, что формы церковной жизни (при всей их изменчивости) есть своеобразный стержень, на котором прочно стоит здание христианской свободы. Конечно, вера — не обряд и не мораль, но без них она легко вырождается в аморфный пиетизм.

2. Увы, в западной иерархии элементы дисциплинарные заняли слишком большое место. У нас они имели тоже место, но в силу слабости иерархии эффективность диктата была несколько меньше. В 60-е годы, например, иером. Феодор Бухарев добровольно снял сан из-за того, что считал иерархию и весь церковный строй омертвевшим. Он хотел сделать христианство активной общественной силой. Правда, злые языки имели право сказать: «шерше ля фам» — он ведь женился! Но он был по крайней мере на уровне сознания — искренен. Правда, сняв сан, он не «послужил истинной Церкви», а стал довольно слабым журналистом и умер в неизвестности. Другой священник Г. Петров был сослан в монастырь, а потом лишен сана за то, что включился в соц. борьбу и написал протест против расправы 9-го января 1905 г. Он умер журналистом. Собор 1917 г. вернул ему сан, но он уже не служил больше. Это не единичные судьбы, таких было много (ср. обобщающий образ бывшего священника Веденяпина в известном русском романе). В современных церковных мятежах духовенства иерархия получает возмездие за преувеличение роли дисциплины. Но я верю, что все извлекут уроки и развитие пойдет дальше. Я до сих пор не пойму — почему Илич снял сан. С его идеями я знаком. В них есть рациональное зерно, но в целом это утопии. Он хочет сократить объем образования в развивающихся странах. Но проф.[ессиональное] обучение, которое возрастает сейчас повсюду, вполне способно выполнить те функции, которых он не видел в классическом образовании. Искусственно затормозить рост информации нельзя. Вообще конфликты с иерархией (рабочие-священники, Дон Стурцо ^[79], о. Алегрия и пр.) производят впечатление

печальное, именно потому что иерархия слишком уж механически и авторитарно реагирует. Церковный авторитет не должен быть авторитетом внешней власти, а так выходит. Это директивное сопротивление лишь толкает левых к крайностям и даже выталкивает их из Церкви. Но в общем все это прекрасно, т. к. постепенно ломает старые, неподвижные и неуклюжие формы. Все теперь ругают папу. А мне его жалко. Редко кто попадал в такой водоворот противоречий, а ведь он старик. Кстати сказать, у нас многие православные как раз восхищаются «армейским» устройством католич. Церкви. Конечно, в земных условиях это неплохо, но сходство не должно превращаться в тождество. Ведь нам было ясно сказано Спасителем, что среди верных «да не будет так», как в земных властвующих организациях. Временные тактические успехи не возместят утраты духа свободы.

3. А что за «праксис» был введен в Орлеанской епархии в отношении к непрактикующим верующим? Это очень интересная проблема. Я даже думал, что должен быть один чин отпевания (и м. б. венчания) для постоянных прихожан и другой — для чисто формальных. Это, конечно, могут назвать дискриминацией, но смысл в этом есть. По-моему, молитвы, которые читаются над покойником, который ходил в храм лишь в детстве, могут иметь свое особое содержание. Впрочем — это так: утопические пожелания, как и моя идея о двух чинах крещения — для взрослых и для детей (ведь наш, православный, по крайней мере, явно относится к взрослому человеку).

4. Снова вернусь к воспоминаниям детства о. Р. По этому поводу в общем церковно-историческом плане можно сказать следующее. Каждая религия проходит три основные фазы: пророческую, миссионерскую и клерикальную. В первой — свет веры или Откровения вспыхивает как бы во тьме. Это высшая точка духовного напряжения. Потом свет начинает распространяться, и наконец наступает фаза стабильности — «серая», консервативная, рутинная. Многие религии так и угасли на этой фазе. Христианство обладает внутренним потенциалом для непрерывного возрождения. Будучи в определенном смысле феноменом историко-психологическим, оно тоже проходит эти три фазы. Но потом наступает взрыв: приходят Франциск, Лютер — и вот снова начинается пророческая стадия. То внутреннее открытие Христа, которое пережил о. Р. , и есть такого

рода переворот, или взрыв в индивидуальной судьбе. Я сам лет в 12 прошел через нечто подобное, преодолев в себе «средневековое», «апокалиптическое», «законническое» и открыв огромный простор Евангелия. Итогом этого периода была моя юношеская книга о Христе, написанная, когда мне был 21 год. В ней скрыто присутствует антизаконнический пафос.

Как Ваше здоровье? Как на Вас действует лето? Говорят, в этом году оно жаркое. Я очень радуюсь за Толю, что у него успешно прошла выставка. Недавно у вас в городе была наша официальная делегация паломников. Вы, наверно, их видели. Дай Бог, чтобы контакты крепили, а конфликты разрешались. Быть может, тогда и увидимся мы с Вами. У меня в этом году отпуск в пять дней. Провожу его в своем саду, благодаря Богу за тишину и уединение, которых я почти всегда лишен. Кстати просьба: не могли бы Вы спросить у отцов из Библ. института, как они относятся к Туринской плащанице? Меня осаждают вопросами о ней, а я не имею данных достаточно убедительных относительно ее датировки.

Храни Вас Бог. Прошу молитв.

Ваш прот. А. Мень

11 июля [1975 г.]

Дорогой Отче!

Вашим письмом о «левых» Вы меня хвалите, а я Вас не похваляю: Вы решительно ничего не поняли, значит, я плохо изложил. Замечательно, что Шура, своим женским путем, меня поняла. Впрочем, письмо недописано. Не хватает 3-й части, теоретической, ибо все мое письмо от 28 мая только 2 части. Хорошо, что задержался: лучше чую ваши затруднения.

То, что писал 21 июня, Вам, может быть, уже дало понять, что Вы меня не поняли. Кстати, к этому письму прибавлю следующее об интуиционизме. Тип таких умов — Иероним [\[80\]](#), Бернард [\[81\]](#), Л. Блуа. Эти выдающиеся слуги Христа порой дошли до мерзкого ругательства, обращенного к таким же слугам Христа, когда их не понимали. Я люблю мечтать — чью судьбу я ценю больше своей собственной, с кем я бы согласился поменять судьбу. На Страшном Суде мне придется краснеть, что заслуги мои так скудны, однако великому Л. Блуа я не завидую, хотя за одно, которое сейчас расскажу. Отец Дидон — не великий ум, однако его книга «Иисус Христос» — великая заслуга [\[82\]](#).

Блуа так пенял ее, особенно за то, что он написал, что «Иисус — самый выдающийся факт в истории человечества», что Блуа уже звал его не иначе, как «отец Иуда». Не думаю, что влиятельные круги считались с Блуа, но он морально виновник, что Дидона сослали в Корсику, т. к. он присоединил свой голос к голосу дураков. Случилось, что мать о. Дидона захворала, и он попросил разрешения вернуться на материк. Ответ задержался, и когда он прибыл, то его мать была уже похоронена. О. Дидон — романтик. Три дня он мучился, и на четвертый день приказал выкопать свою маму, чтобы ее увидеть еще раз. Думается мне, что его тайная надежда была, что его мать оживет, хоть на прощанье, по образу Лазаря. Всему этому ужасу виновник — великий христианин и мыслитель Л. Блуа. Невелики мои заслуги, но такое преступное самомнение мне чуждо. (Вы знаете, что Л. Блуа обратил к вере J. и R. Maritain ^[83] и таким образом спас их от самоубийства.)

Возвращаюсь к вопросу о «левых».

1. Я верую, что эти девицы — прекрасные и что их мотивирует живая вера. Факт остается, что их свидетельство неприемлемо для массы и взгляды массы тоже уважаемы, хоть и неправильны. Логика современной молодежи такова: «Современный мир — не человеческий, мещанский, лицемерный. Мы ходим в длинных волосах и вообще растрепанные в знак того, что мы чужды такой нечеловеческой системе. Никакого морального закона извне, т. е. предлагаемого «системой», мы не признаем: мы готовы признать лишь те законы, которые мы будем ощущать изнутри. Наркотики, свободная любовь — может быть, грехи. Во всяком случае, не такой великий грех, как ваш, рабов и виновников нечеловеческого мира. Да, через наркотики и любовь мы достигаем хоть какой-нибудь человеческой теплоты, которой у вас не находится. Если эти девицы того не ощущают, то это только, может быть, потому, что они — союзники эксплуатации».

У меня прекрасная племянница, по имени Брижит. Она с мужем все стремилась вместе с друзьями устроить христианский колхоз, или киббуц. Ничего не вышло, к сожалению, и теперь у нее трое детей и слабое здоровье, им пришлось устроиться по-мещански. Муж работает в лаборатории, где исследуют питательные качества индустриальных производств. Опечаливает меня судьба одного друга,

ровесника, инженера высокого класса. В конце своей трудовой жизни он осознал, что, сколько ни старался, все же служил «системе». Хотел бы отправиться в Африку, но по годам он там не нужен. Хорошо еще, что у него прекрасные дочери, которые могли бы выступить, как те девицы. А от 21-летнего сына можно ожидать всего, самого лучшего и самого худшего. Все эти люди, кроме сына моего друга, — глубоко и ортодоксально верующие. (Правда, у Брижиты иногда показываются странные взгляды.) Вот есть немало такой молодежи, которая глубоко верует во Христа и даже в Церкви, а разные христианские законы не признает. Вовсе не оттого, что отрицают, а просто потому, что изнутри еще не дошли. Опять, для современной молодежи закон извне — немислим. Соблюдение закона как такового для них — неискренность. Одним словом, традиционное повиновение вере больше не существует. Кто настолько хорошо понимает Христа, что понимает и учение Церкви. Иной не все христианское учение принимает, а вера у него весьма жива. У кого нет веры, тот видит в нравственном учении только орудие порабощения в руках эксплуататоров, и они отчасти правы. Например, мещанская мораль всегда поощряла разврат юношей до брака, чтоб они потеряли свои иллюзии и уже вступили в брак не по увлечению, а по классовым интересам. Итак, противники наших девиц, надеюсь, не правы; их грубость — непростительна; но их реакция — весьма уважаема и можно сказать даже — моральная, хотя и ошибочна. Подлец тут — один журналист (чтобы не написать другое слово). Переубедить Вас я не надеюсь, но даю свое свидетельство, которое не только мое.

2. Мне остается писать о том, как С. Галилеа пытается выразить тот созерцательный союз между верой и борьбой за освобождение, который уже на деле есть, особенно в Ю. Америке, в молодом поколении христиан. Это ответит на Ваш №2, который у меня есть №3. О ненасилии я упомянул случайно. Вопрос меня очень интересует и даже волнует, но нам не до этого сегодня. Рад знать, что есть сторонники в России. Для Шютца, как для Галилеа, борьба вытекает из созерцания — это есть №3. Этот №3, который все обещаю, я за него скоро возьмусь. Но я Вам напишу только в начале августа, ибо скоро приедет отдохнуть у меня Г. Риобе, и мы обсудим вопрос. Но уже сейчас выпишу кое-что в конце этого письма. Интересны заключения Тридантийской встречи между католиками и русскими православными

с Вл.[адыкой] Никодимом во главе: полное освобождение человека не может осуществиться в нашем мире (было на днях в газете). О том, что у Вас №3, а у меня все еще №2.

Очень интересно Вы пишете о военном времени, но не к делу. Еще в юности меня поразила заметка писателя Моруа (еврея), который несомненно выражает свои личные переживания. Во время забастовки молодой хозяин почти жалеет о времени (первой) мировой войны, когда офицеры вместе с солдатами страдали ужасно, но зато единодушно.

Нас беспокоят Ваши намеки о том, что Вам нездоровится. Мне о П. Майэ, которого Вы, кажется, знаете, послал прекрасное фото, где Вы беседуете с о. С. Ж. [Желудковым], выйдя из церкви. Шура говорит, что уже старое. О. Майэ — тот, который взял риск меня рукоположить. И Ж. мне дорог, ибо я недавно написал труд «О литургическом сознании в Московском Патриархате» [84].

3 тома Филона я получил, но боюсь пока послать, ибо очень дорогие.

Возвращаюсь к С. Галилеа, т. е. начинаю №3. В журнале нашего братства появилась статья С. Галилеа. Я сильно запротестовал, не из-за того, что он говорил о новом образе созерцания, но на критику традиционного созерцания. Он мне ответил (перевожу с испанского): [85]

18 августа [1975]

Дорогой мой Отче!

Не то удивительно, что мы порой друг друга не понимаем, а то — что мы вообще можем понимать друг друга, при всей разделенности нашей во многих отношениях (пространство, культура, воспитание, традиции и пр. и пр.). Но пусть эти невольные заминки Вас не смущают. Ведь даже люди, живущие рядом, не всегда могут понять друг друга! Слава Богу и за то, что рождается общего в наших беседах. Будьте снисходительны ко мне: многое, о чем Вы пишете, для меня «терра инкогнита», и сужу я об этом очень и очень издалека. Я думаю, в дальнейшем нам было бы легче, если бы мы более четко определяли предмет разговора и его границы. Пока же буду отвечать по Вашему письму от 9–11/VII.

Книгу Дидона я читал; она действительно прекрасна. Но о рассказанном Вами эпизоде не слышал. Согласен с Вами, что только ложный «романтизм» мог подвигнуть о. Д. на такой странный поступок. Но с православной точки зрения он продиктован был не столько отсутствием здравого смысла, а в отсутствии того, что мы называем смирением. Претендовать на чудо может либо очень святой человек, либо самообольщающийся. Кто из нас может твердо сказать, что имеет необходимое для этого «горчичное зерно»? Не знаю, какую роль сыграл Блуа в бедствиях о. Дидона, но, хотя последний и выразился неудачно, за что же его так поносить? Не понимаю. Вообще гнусная нетерпимость между христианами всегда была источником наших бедствий.

Теперь по пунктам. 1) Хотя мне нелегко понять западную психологию, я вполне понимаю смысл бунта против буржуазности. Я просто хотел подчеркнуть, что сам по себе он бесплоден, если не имеет позитивных целей. Почему мещанской морали можно противопоставлять только распущенность? Это мне неясно.

2) Вот именно—то эта тесная связь между созерцанием и социальной деятельностью мне очень дорога. Я лишь возражал против того, чтобы второе — оттесняло первое на задний план. А ведь, как мне кажется, опасность этого есть. Здесь христиане должны быть очень осторожны, чтобы не соскользнуть на чуждые рельсы. Ответ о. Галилеа, как кажется, снимает эту тревогу.

Спасибо за Филона. Быть может, представится случай мне доставить его.

С о. С. [Желудковым] нас снимали в прошлом году. Это замечательный человек, а по воззрениям своим весьма левый, близкий к Бонхофферу. К сожалению, он уже много лет на покое.

У нас хорошая теплая осень. Завтра праздник Преображения, когда по традиции освящают в храме плоды земли. Внешне у меня ничего нового. Я чувствую себя сейчас сносно. Как я уже писал Шуре, мои болезни — это простая усталость, но чистый воздух сада каждый раз воскрешает меня, когда возвращаюсь домой.

Относительно наших проблем, повторяю, нам было бы хорошо их упорядочить. Что же касается того, что Вы показываете мои письма, я, разумеется, не возражаю: какие ж тут секреты? Только мне совестно,

что пишу слишком свободно и порой необдуманно: что в голову придет. Не взыщите.

Прошу Ваших молитв. До свидания

Ваш прот. А. Мень

Письма Е. К. Сама ^[86] получил, как и Ваш ответ. На днях напишу.

17 августа [1975]

Дорогой отец Александр

Хочется сообщить Вам новую мысль, которая меня сейчас занимает, о западном христианстве: характеристика западного христианства — честность. Вспоминаю столько духовных лиц, с которыми я встречался и встречаюсь, замечательных и не замечательных: общая их черта — честность. Ею объясняется верность к исполнению правила, вне какой-нибудь вдохновительной обстановки, на непонятном латинском языке. В Южной и Северной Америке священники никогда не знали латинского языка. (Теперь и во Франции молодые священники не знают его, но они больше никогда не молятся по-латински.) Ею объясняется обращение «налево» людей, воспитанных в «правых» взглядах, как основатели журнала «7», Ги Риобе, С. Галилеа. Все они дышат не вдохновенностью, а честностью. Вспоминается загадочное восклицание Господа о Нафанаиле: «Се, воистину израильтянин, в немже лъсти нет!» Вспоминается и заглавие знаменитой книги: «Honest to God». «Honest to the World» было бы точнее; книга — неудачна, но она написана по совести ^[87]

Замечательно и многозначительно, что данная характеристика совпадает с положительной чертой современного мира: интеллектуальная честность. Рождается и уже существует интернационал науки, умов, уважающих друг друга и сотрудничающих. Среди них какой-нибудь Иероним или Бернард были бы невежды и неграмотные. Интеллектуальная этика — достижение современное. Хоть в этой области христианство не отстало на Западе от мировой культуры.

Вот все, о чем хотелось поделиться, и кажется, это немало. Завтра отправимся на Фавор. Будем ночевать под открытым небом и присутствовать на ночной литургии. Служит грек, а молятся и поют несколько русских сестер, московских, очень трогательно. Снаружи толпа арабов веселится всю ночь.

Еще одно. С о. Риобе мы посетили общины Младших Сестер, как его попросил о. Войом. Оказывается, еврейские сестры вовсе не такие пристрастные, кроме, может быть, одной. Это мне кто-то напрасно утверждал.

Будучи очень занят, о. Риобе не прочел сочинение С. Галилеа, потому и не пришлось спросить его мнение. Сообщу, когда получу.

Поздравляю Вас с наступающим праздником

В.

10-го июля я Вам послал мое резюме статьи С. Галилеа, по-французски, а 17-го очень интересное письмо с. Крестос Самры ^[88], и мой ответ, по-английски.

5 сентября 1975 г.

Дорогой мой Отче!

Письмо Вы написали короткое, а задачу дали мне большую. Опять придется мне продираться через свое восточное непонимание, так что Вы уж простите, если опять не так истолкую Ваши слова.

Проблема, конечно, серьезная. Вы как-то мимоходом ее уже затрагивали в связи с обсуждением «Итогов богословия». Но буду и я «честен перед Вами» — мне не совсем ясен смысл отмеченной Вами «интеллектуальной честности» западного христианского мышления. Рассмотрю поэтому несколько аспектов.

1. Сама по себе честность и перед Богом, и перед людьми как вид «добросовестности», как стремления сделать все, что в наших силах, все додумать и исполнить до конца (насколько возможно) — есть бесспорно добродетель. Всяческие ухищрения, обман, самообман, пропаганда, натяжки, недомолвки ведут к печальным последствиям и в жизни, и в мысли, и в вере. Тут я могу только от души приветствовать западную «честность». Это общее позитивное соображение.

2. Если Вы говорите о добросовестном выполнении требований устава, то подобная черта нам, православным, свойственна, пожалуй, не меньше, а даже больше, чем — западным. У нас всегда была тенденция строго блюсти все условия и правила. И часто это (как и на Западе) вело к отрицательным последствиям. Молитва превращалась, порой, в «вычитывание» правила. Текст (славянский) большинством плохо понимается. Но многие считают идеалом — выполнять «все». Отсюда русское старообрядчество, которое теперь нашло новых

продолжателей в лице карловчан. Мне как-то попался их журнал — ну просто мумия какая-то! Подлинная пародия на христианство — по существу столь жизненное и динамичное... Вероятно, на Западе подобного рода «честность» проявлялась и в церковной дисциплине, которая у нас хромает. Я не против дисциплины и устава, но нам навсегда дан предупреждающий пример книжников и фарисеев, которые во имя законнической честности нередко доходили до жалкого религиозного формализма. (Меня всегда поражает сходство Типикона и Мишны ^[89] — сходство знаменательное!)

3. Честность перед разумом? Но перед каким разумом? Вот вопрос. Если перед узким, рассудочным, плоским, дискурсивным, то заслуживает ли он такого почитания? Мне кажется, западный экзистенциализм есть реакция на его насилие. Ведь еп. Робинсон пытается быть честным не столько перед Богом, а, как Вы верно заметили, перед «миром», т. е. его плоским, пошлым, обывательским аспектом. Он искренен, но этого мало. Подлинный разум — шире и глубже, он обнимает сферу антиномичного, парадоксального, сверхрассудочного. Он сознает, как говорил Паскаль, свои пределы. А здесь получается культ самодовольного рассудка, который берется судить обо всем в духе XVIII века. Даже наука наших дней не следует по этому пути, а признает мир невыразимого, неопишуемого, немоделируемого.

4. Честность перед информацией? Да, конечно, богослов должен знать больше, чем иной зоолог или инженер. Но и в этом отношении я не вижу на Западе вполне удовлетворительной картины. Один мой знакомый как-то сказал Робинсону, что его учение о Боге похоже на индийское. Оказалось, что он даже и не подозревал этого. Меня подобный факт поразил. Увы, часто в западных книгах я встречался с удивительной поверхностностью. Многие авторы повторяют друг друга, даже не ссылаясь на другие работы. Создается впечатление, что они мало читают. Очень многим обязан западным исследованиям по библеистике, но и там я нередко встречал удивительно слабые работы, состоящие из перепевов. Скажем, иной раз говорят: «Как показал доктор N. , было то-то и то-то», а между тем впервые это открыл и установил библеист прошлого века, а вовсе не доктор N. В книгах, касающихся Библии, веры, Церкви «объективный тон» едва позволяет понять, что же думает о вопросе сам автор. Это типичный образчик

антиэкзистенциального мышления. Но и объективность его все равно сомнительна. Не бывает человек совершенно объективен, как компьютер! Можно (и очень нужно!) исследовать, например, текстуальные особенности Евангелий, но если мы за филологической работой забудем, что это Евангелия, она потеряет духовный смысл и станет в один ряд с изучением Гомера или Шекспира. Иными словами, интеллектуальная честность одна, сама по себе, еще недостаточна.

Вы пишете, что Иероним или Бернард были бы невеждами среди нынешних интеллектуалов. Это верно. Но гораздо важнее, что они в свое время сами принадлежали к интеллектуальной и духовной элите. А элита эта была в прошлом достаточно интернациональная и взаимосвязана. Вспомните контакты восточных и западных Отцов, средневековых схоластов или богословов эпохи Ренессанса. Теперь и Аристотеля физики сочли бы невеждой, но все же он великий ум, и не его вина, что он не располагал информацией современных учебников. Ломоносов как-то писал, что если бы Отцы жили в его дни, они бы имели еще больше оснований изучать науку и прославлять мудрость Божию. Эти слова относятся и к нашей эпохе. Одно накопление информации без духовного видения может иссушить и обеднить человека. Мы знаем, что многое у Отцов устарело, но никогда не устареет их внутреннее отношение к миру, людям, знанию, к жизни и Богу. Поэтому—то они наши учителя, а не потому, что считали землю неподвижной или слабо разбирались в происхождении древних книг.

В заключение я бы сказал, что «честность» есть лишь один из элементов, из которых строится здание нашей жизни и мысли. Он обязательно должен дополняться другими, пожалуй, не менее существенными. Я люблю слова старого писателя Фонвизина: «Ум, если это только ум — сущая безделица». Перефразируя их, могу сказать: «Хороша интеллектуальная честность, но если она самодовлеющая — она принесет мало пользы». Я хочу верить, что православные будут учиться у западных — этому прекрасному качеству, но никогда не будут делать из него культа.

Кажется, написал опять что-то «обличительное» и пронизанное непониманием. Но надеюсь на Вашу снисходительность. Мое желание — как можно яснее представить свое отношение к занимающим нас проблемам.

На днях напишу о Вашем конспекте статьи С. Галилеа. С. К. Самре написал. Пишу медленно, т. к. совсем нет времени: праздники, работа, семейные дела (выдаю замуж дочь) и многое другое. Хотелось бы знать Ваше мнение о книге про Индию, хотя, вероятно, эта тема от Вас очень далека.

Поздравляю Вас с прошедшими праздниками. Все же надеюсь, что в будущем Вы свои планы осуществите.

Ваш прот. А. Мень.

P. S. Вы пишете о евр.[ейских] Меньших Сестрах. Раньше Вы ничего о них не говорили. Что они из себя представляют? И почему Вы предполагали в них «пристрастность»?

3 декабря [1975]

Дорогой отец Всеволод!

Ваш ответ был по-королевски щедрым и полным. Он не только еще раз доказал мне, как глубоко Вы все чувствуете и понимаете проблему, но и вообще был в высшей степени ценен. У нас эта проблема совсем не решена, хотя много и праздно говорят о «послушании», ставя его «выше поста и молитвы». Я говорил, что это традиция стихийная, потому что она в отношении мирян не сформулирована фактически никем. Монашеский путь я выношу за скобки, там это естественно и входит в состав обетов. В общем—то я лично стараюсь давать ответы на вопросы, обращенные ко мне, и хочу, чтобы следовали тому, что я сказал. В одних случаях — настаиваю, в других — предоставляю большую свободу, в третьих — считаю, что человек должен сам решать, как ему быть (особенно когда это касается сердечных дел). Какие основания у меня? Первое: полная уверенность, что именно так следует поступать христианину (т. е. я показываю своему прихожанину, где подлинно церковное решение); второе: я прислушиваюсь к голосу внутри, голосу Духа; третье: я просто ориентируюсь на жизненный опыт, которого у моего подопечного нет или мало. Когда же есть ясная альтернатива, то я оставляю свободу. Католикам легче в том смысле, что духовник, священник может ничего не говорить от себя, ориентируясь на формально выраженное мнение епископата или Собора. У нас все более туманно, по важнейшим вопросам авторитеты расходятся. Это, кстати, касается и отцов Церкви, которые имели самые разнообразные

взгляды на один и тот же вопрос. Так что ссылки на них не всегда убедительны.

Как дела у Вашего брата, утвердили ли его? Те люди очень нуждаются в начальстве, как Вы сами писали. В свое время была ошибка, что не нашли нужных и активных людей для восточного обряда. Но теперь это уже история. Впрочем, остатки восточного обряда могут сыграть свою роль как некое звено, связующее Восток и Запад (Ваша личная судьба тому пример). Если бы не было опыта (пусть неудавшегося) восточного обряда, то диалог было бы труднее осуществлять. У нас тут много говорили о письме Иоанна–Павла II к Слипому. Здесь замешаны трудные проблемы, которые часто носят нецерковный характер. В ответе монс. Вилебранса ^[90] всех порадовало отрицательное отношение к прозелитизму.

Историю Церкви я еще не получил, кроме I тома, но заранее благодарю. Вашему коллеге уже написал.

Обнимаю Вас братски. Поздравляю с наступающим праздником Рождества Христова.

Всегда Ваш прот. А. Мень

Дата неизвестна

Дорогой мой Отче!

Рад был получить наконец письмо от Вас. Огромное спасибо и за него, и за тезисы Флуссера ^[91]. Они мне очень и очень интересны. Попробую на них ответить; тогда пришлю Вам.

Меня всегда крайне огорчает, что отношение к иноверцам стоит не на высоте. Увы, таков человек! Стыдно, что люди, сами столько потерпевшие от узости и фанатизма, сами в них впадают. Я это переживаю как часть своего.

Но что остается делать нам, христианам? Признать, что гонение на Имя Христово есть обетованное Им «блаженство». Это честь, которую мы имеем, становясь с Ним рядом. Исторически это тоже имеет смысл. Он заключен в искуплении тех вековых обид, которые мы, христиане, чинили людям. Им это трудно простить. Но мы же должны уметь не только прощать, но и молиться за тех, кто против нас. Пример для нас — на Голгофе. В этом наше «достоинство» и наше свидетельство. Когда–то Вл. Соловьев писал: если евреи относятся к нам по своим понятиям, то мы должны относиться к ним по

принципам Евангелия. Думаю, что это и есть указание для настоящего времени.

При всем этом Вы должны меня правильно понять. Прощать — в лично–моральном плане не значит вовсе считать дискриминацию гоим — благом. Это бесспорное зло, и я хочу надеяться, что не все люди в Изр.[аиле] столь нетерпимы и озлоблены.

Прочел Вашу приписку о том, что Вас не пустили в монастырь, и подумал: чего нам ждать от них, когда мы сами, христиане, даем исключительно дурной пример взаимной ненависти, соперничества и вражды?

Всегда жду от Вас писем. Обнимаю Вас.

С любовью во Христе прот. А. Мень

Дата неизвестна

Дорогой отче!

По дороге домой прочел Ваше письмо и сразу хочу ответить.

Нарисованная Вами картина лишней раз показывает, насколько сходны процессы в обеих частях Церкви, при всем различии их структур и условий жизни. Трудности с вопросом свободы мучительно переживались у православных именно вокруг Богословского института ^[92], в котором упомянутый Вами священник нашел свободу. Было много распрей, вызывавших гонения на прекрасного мыслителя Федотова, Бердяев взрывался, взывая: «Есть ли в православии свобода совести?»

Думается, что наши общие сложности обязаны с одной стороны безответственным экспериментам одних, а с другой — боязливому «охранительству» консерваторов. Суть же дела в неясности таких вещей, как авторитет, Предание, соотношение между церковной дисциплиной и свободой мышления. Возникающие отсюда кризисы должны научить новые поколения искать более ясных внутренних и внешних критериев.

Что касается «исторического критицизма», то при ряде ошибок он в целом может и должен быть благодетельным. Частные, не имеющие прямого отношения к сути заблуждения не заслуживают того, чтобы их лелеять во имя традиции (ложно понятой). Вы сами же в подтверждение этого приводите прекрасные слова св. Киприана.

Разумеется, «критицизм» должен быть серьезным и мудрым, чтобы не «выкидывать с водой ребенка». Но такой, скажем, факт, как легендарность некоторых святых — по-видимому, трудно отрицать. Следовательно, остается дать неспециалистам ясное понимание этого факта. Фольклорные украшения иногда делают более живописным здание Церкви, а иногда уродуют. Очень часто они служат на руку врагам веры. Так было у нас с мощами. По учению Церкви (традиционному) мощи — это останки святых в любой форме. Но народу нравилось верить, что все они нетленные. И люди шли на поводу у этого полусуеверия. А результат известен. При вскрытии мощей в двадцатых годах многих простых людей соблазнил и поколебал тот факт, что в раках были часто лишь кости подвижников. Об этом при патриархе Тихоне издали разъяснение, но уже было поздно. Такой результат. Ложь в деле Божиим мстит за себя.

Множество различных случаев, которые Вы приводите, наводят на мысль, как важно оберегать в Церкви плюрализм. Есть разные типы богословствования, типы благочестия, типы созерцания и стили богослужения. Их оправдание в многообразии человеческих типов. Вот классическое и универсальное доказательство. В первые века, начиная с апостольских времен, не было единой евхаристической формулы и единого типа литургии. Даже в Новом Завете «установительные слова» переданы в нескольких вариантах. Форма — вторична, хотя, естественно, и она имеет значение.

Когда Вы говорите о «смешанной» форме духовной жизни, я вспоминаю споры в древней Церкви о браке и девстве, о свободе и благодати, о созерцании и деятельности. И в конце концов Церковь всегда признавала эти пути равночестными или говорила о единстве свободы и благодати. Иными словами, ей в сущности была чужда жесткая и грубая альтернатива: ЛИБО — ЛИБО. Церковь оказывалась емче и шире человеческих односторонних взглядов.

Вы говорите о некоем индивидуализме православных мыслителей. Он не случаен. Он есть результат эпохи становления, поисков, решений. Ведь и св. Фома был оспариваем прежде, чем его признали «доктором». По существу же каждое богословие есть Откровение, пропущенное через призму данной школы данного лица данной эпохи. Догматика в отличие от догматов дело человеческое, а не божественное, богооткровенное. В противном случае было бы

ужасно: тяжкие и бескрылые книги теологов стали бы заслонять св. Писание. Открывает лишь Христос, а человек — ищет. И искание возможно только в свободе. При этом мы свободным актом веры принимаем и Предание как дух Евангелия, апостолов и отцов. Но дух есть векторы, стиль, тип, а не что-то навсегда завершенное и формализованное. Конечно, эта свобода трудна, но легкая свобода была бы просто легкомыслием.

Все это мы, православные, стараемся не смешивать с чисто духовной жизнью. И святой может иметь заблуждения ума. Молитва и созерцание есть условие для мысли о Боге, но сама эта мысль не становится от этого абсолютной.

Боюсь, что я опять выразился довольно темно. Простите.

Прот. А. Мень.

Дата неизвестна

...Статья моя о Серафиме окончена [\[93\]](#). Но это только первоначальный разбор. Работа на несколько лет, если Бог даст. Я осматриваю, почему и как настоящее жите было опубликовано только 63 года после его смерти — Дивеевские архивы Серафимом Чичаговым. Во второй статье я осмотрю труд Чичагова.

Действительно, не полагается доверять Нилусу. Но почему сделать исключение для «Беседы с Мотовиловым»? Впрочем, читали ли вы оригинал? Часто пропускают целых 3 страницы, где излагается, что у Адама, как у животных, были дух, душа и тело из пепла. Только тем отличается Адам от животных, что Бог вдунул в него Святого Духа. Поэтому только он наподобие Бога. Эта часть — неотъемлема. Этим и объясняется, что не указано, что человек, возобновленный храм, стоит выше Адама.

Впрочем, если 22-летний Мотовилов мог вспомнить столь сжатый богословский трактат, полный цитат, то у него была бы помощь свыше куда больше, чем у евангелистов. Вообще немислимо, чтоб Мотовилов, столь ревностный о памяти Серафима (а также его жена) оставил бы среди своих домашних счетов откровение, которое было ему дано ДЛЯ ВСЕГО МИРА. По словам Нилуса, эти бумаги были осмотрены Чичаговым. Наконец, комиссия о канонизации Серафима была бы очень небрежна, если не осмотрела бы ВСЕ бумаги Мотовилова.

Вы, может быть, не знаете, что в 1969 г. была впервые опубликована вторая часть «На берегу Божией реки». В 1903 г. вдова Мотовилова вторично дала Нилусу пачку бумаг ее мужа. Там Серафим заявляет, что он будет жить гораздо больше 100 лет. Ведь наподобье Ефесских семи отроков он воскреснет и из Дивеева станет проповедовать покаяние всему миру, и т. д. Критические данные одинаковы! («Великая Дивеевская тайна»)

В 1911 г. Чичагов прогнал из Оптины Нилуса, а также его покровителя ст. Варсонофия. Мера против Нилуса была сурова, но и не без причин. Ведь он там приютил вместе с любимой женой свою 62-летнюю бывшую любовницу. Не считал ли Чичагов Нилуса опасным человеком?

Нилус, единственный ручатель «Беседы», — мифоман. Может быть, он писал *en etat second*, принимая это психическое состояние за вдохновение. Ведь ему было открыто, что он вызван продолжать служение Мотовилова. И такого психопата часть здешней иерархии величает во отца Церкви!

Заметьте, что вопросы Мотовилова соответствуют вопросам Моисея в 33-й главе Исхода, т. е. ссылаются на ту часть Беседы, которая пропускается.

О труде Петра Иванова ^[94] я не слыхал и очень жалею, т. к. тут его не достать. О нем не указано в Житьи Ирины Горайновы, опубликованном по-французски в 1973 и 1979-м. Последний труд довольно критический, но богословски слабоват. Зимой я надеюсь поехать в Европу.

«Иреникон» все не отвечает на мое предложение опубликовать целый ряд статей о Серафиме. Я на днях послал мой труд и Мейендорфу. Впрочем, я не жалею, если публикация задержится. Вторая, дополнительная, статья будет не скоро готова: я составляю картотеку о Серафиме, разбираю подробно Чичагова. А тут еще мой переезд. Между тем, я успею найти Иванова.

Основной вопрос: доказать, что Ч. опубликовал существенную часть Дивеевских архивов. До него Елагин, составитель Житья для Саровского монастыря, будто взглянул на них, но он цензор больше, чем агиограф. Не думаю, что после них кто бы имел доступ до архива. Если Иванов изучал архивы, он бы опубликовал особый труд и он был бы известен.

Друзья говорят: «Православные вас убьют!»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Переписка отца Александра с православной монахиней Викториной из русской миссии в Иерусалиме (Московский Патриархат).

26 июля 1974 г.

Благословите, дорогой о. Александр!

Мир вам и поклон от всех святых мест святого града Иерусалима... У меня много душевных нужд и язв, но письма идут через тридесятые царства и не всегда вмещают желаемое. И без того наша христианская вера пала так, что ниже уже и падать некуда, в том числе и я. Какой новый пророк Иеремия восплачет наши бедствия! Не те ли же часто, что и во времена Его — вдревле, то и в новом времени — отступления!.. Господь говорит Иезекиилю вкратце: «Не услышу их, в чьем сердце есть идол». Не то же ли и теперь, сколько появилось новых истуканов? Здесь как-то особенно видно и понятно, до боли сердца. Видишь — ...и понимаешь, чья это работа?!.. Все идет, как по чьему-то точному расписанию, но не от Бога, а с левой стороны. Что больнее всего: это поразительно наглядно, большое отступление от истинного, от самого Христа, преданного через Его Апостолов от православия. Секты растут, как грибы. Как-то легко, легкомысленно уходят из ограды Христовой. Ища какой-то «утерянной истины»? Мне приходилось говорить с подобными, но я, конечно, не вступала в прения, что совершенно бесполезно, все равно, что лбом пробить медную стену.

Одной из них 84 года, и вдруг она обрела все, чего не могла найти в Православии, крестившись второй раз. Явная прелесть, как жаль этих несчастных!

Настоящая истина от создания мира до новых дней всегда была гонима, и по сравнению с общим количеством это — это малое стадо. Я до мозга костей православная и молю Бога быть верной Ему до последнего издыхания. Что я? Очень незаметный и совсем маленький член нашей Православной Церкви. Но сознательный член, как и учат Св. Отцы и Священное Писание и наш Игнатий Брянчанинов, и «что

всякий православный христианин обязан знать, пусть он и невежда, и неграмотный, для этого есть пастыри: в чем суть православия, его догматы и как во что он верит, иначе он мертвый, а не живой член истинной Церкви. Всякое отступление и нарушение переданного самим Богом (да и какой ценой) через св. Апостолов и постановлениями семи Вселенских Соборов — недопустимы. Сам Апостол говорит: «Если Ангел будет говорить вам с неба не то, что мы говорим — анафема да будет». Аксиомы! Святые Отцы через все века своею кровию, не щадя жизни, отстаивали чистоту Православия от всяких ересей, сонмы мучеников всяких званий, родов, всякого пола обагрили и омыли св. Церковь нашу, и она, благодаря этим столпам, сияет и по сей день, как чистый алмаз — пока? — особенно у нас на Руси. Читая чудный канон Русским святым, разве можно слушать его без слез, не такие ли они были, как и великие Вселенские учителя: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие, как и наши ревностные защитники Православия Святые — Алексей, Иона, Гермоген, Филипп и другие угодники, они так же не боялись ни сильных мира сего, ни своей жизни, отстаивая, как вдревле говорили у нас на Руси: «Святой Дом Богородицы». Сколько наша земля натерпелась и обагрилась кровью праведников от «латинян» (католиков), которые хотели окатоличить нас, — но нет — верные сыны Отечества отстояли Дом Св. Богородицы и чистоту православия от этих «иезуитов», и память о них в роды родов не погибнет.

Может, я и не права, но мне как-то прозрачно показалось — «читая» вашу склонность и даже желание сблизиться с ними. Мне было очень больно. Я не хочу допустить этой мысли. Может, я ошиблась, простите мне. Сближение всех христиан необходимо, но не догматическое. Не мы от них ушли, а они, как католики, так и другие. Почему мы должны им первые поклониться, нет, не мы, а они, они схизматики, а не мы. Права истины все на нашей стороне. Живя здесь, я очень хорошо поняла и изучила католиков, сталкиваясь ежедневно. Скорее течение реки потечет вспять, чем они покорятся нам, и никому вообще. Слишком сладко говорят, да под языком яд.

Конечно, неоспоримо, и среди них есть истинные хорошие люди, как и во всякой среде христианской, особенно простой народ. Но их «прелаты», духовенство, монашество — очень и очень редко найдутся среди них хорошие или нормально относящиеся к нам. В общей

сложности это — фанатики до уродства, это уже первый признак отступления от Евангельской истины. Они нас так ненавидят, пожалуй не уступают фар.[исейским] и сад.[укейским] сектам — они тождественны, как два брата. А где ненависть, там нет Христа, который одна любовь.

Что они политически сильны и по количеству — это неоспоримо. Не то хорошо с их стороны, что они хранят завещание св. Великого Венедикта, т. е. воспитание детей, школы, больницы и т. д. Этого от них нельзя отнять. Но того Духа, Духа Божия, истинного понимания Св. Писания в Духе, т. е. в стяжании Святого Духа, внутренней сокровенной жизни, а чем так прославились наши Святые Отцы, они и понятия не имеют, хотя, конечно, и у них было — но только до разделения, когда было все едино.

Конечно, во всякой вере есть свои искренние подвижники, но наше Православие незаменимо. И вот так наглядно от него бегут, ища какой-то «утерянной истины». И мне кажется, столь маленькой, что оскудели истинные ревнители Православия и Пастыри, о которых Сам Бог так ясно указал в Евангелии Иоанна Богослова, да и в XX главе Деяний очень уж ясно указано. Вот был же у нас чудо XX века, о. Иоанн Сергиев, значит — не время виновато? Он исполнил на деле не одну заповедь Христову, а все, и был сосуд Св. Духа, настоящий подражатель Учителю, и имел дух Христов. Любовь его была Христова, и он прославился на весь мир. Доказательства — его чудеса, и сколько привел он и спас заблудших ко Христу. За ним шли сотни тысяч. Почему? Это так ясно, по слову Христову. Вот если бы было побольше таких, так не пошли бы искать, не зная куда, истину. Его мысли о Церкви и «Моя жизнь во Христе» ясно свидетельствуют о его святости. Да и много было таких у нас, одна что стоила Оптина? Они и сейчас есть, но не для нас. Иначе и мир не стоял бы. Теперь у меня другой вопрос.

Конечно, Боже сохрани, я не берусь судить, я не берусь судить, и не мое это дело, но высказываю то, о чем также болит душа. Это Новый Календарь, т. е. Пасхалия. По-граждански это совершенно неважно, но по церковному это непросто. Так же просто и легко на это смотрят, как будто перейти из одной комнаты в другую. Почему? Режьте, бейте меня, но я с этим не согласна. Первый шаг нашего поклона униатам. Не они, а мы поклонились и растаяли перед Папой...

Почти 2000 лет стояло крепко, как адамант, основание Церковное на ст. стиле, которое также остаивали Св. Отцы и с таким трудом. Теперь находят это естественным, совсем неважным, и мол нет ничего погрешительного, а у меня есть выписка Святого Собора, обозначено точно 1583 г. от воплощения Слова, ноября 20, Индиктиона 12... и за 1756 г. отлучения и т. д. Читаешь, так мороз по коже дерет, что это за сказка? Нет, увидят на Страшном Суде, кто прав? Значит, почти 2000 лет отцы святые недопонимали пап, ошибались, обманывались, а теперь за несколько десятков лет переучились, поумнели и «прозрели»? Но нет, это уловка «хитрая» есть исконного врага для подготовки к приходу окаянного сына погибельного.

Если бы это было дело Божие, то не было б тех ужасов, которые рассказывают очевидцы. Всякая истинная истина кротка, мирна, любовна, чуть отступление от нее — уже сумбур в душе, обязательно мятеж. Что творили во время введения нового стиля, точь-в-точь повторение древних гонений. Настоящее было сумасшествие, что и во времена иконоборчества и Нероновых времен. Мнимые ревнители в крестах и панагеях доходили до бешенства и что бешеные псы терзали лучших людей, били, жгли, резали, садили в темницы, ссылали, лишали прав, конечно вместе с «миром», и полилась христианская кровь от своих же. Сколько погибло монашеского духовенства, простых людей — и не перечесть, и во имя чье? Божье никогда! И теперь ликуют, что соединились с униатами. Господи помилуй и прости. Да разве где насилие, ненависть, ужасы пыток — с ними Бог, нет, а Его противник сам Сатана, а это его усердные слуги. Кто когда из св. Отцов убивал или ненавидел? Они сами, подобно агнцам, шли на смерть за истину.

Так меня учили с детства, моя бабушка была святой жизни и непоколебимая православная. И мои духовные Отцы, все они уже ушли из этого мира — и не просто, а как древние!!! Однажды, будучи 20 лет, я задала вопрос о новом стиле Владыке Мануилу, этому столпу православия. Он мне ответил: «Если б тебе пришлось положить и жизнь, и пролить кровь, оставайся верной всем постановлениям 318 св. Отцов, крепко запомни... Очень осторожно читай заграничные писания, под красивой шапочкой мухомора скрыт тайный яд».

И это правда, читая одну книгу ред. «Посев», я пришла в ужас и бросила ее в печку, такими писаниями будет питаться молодежь, не

знаю, что она приобретет?!

Большое спасибо за книгу о богослужении, я до слез была тронута ее глубиной, — но не согласна с календарем, но это мое частное дело. Мне о. В. носит разных изданий книги, но мы с ним говорим только о здоровье и просто как знакомые, не касаясь ни вопросов веры, ни взглядов, он все же не наш человек. Мы понимаем друг друга без слов, поэтому не вдаемся ни в какие комментарии. Для истинного пастыря нет ни возраста, ни пола, ни пищи, ни нации, ни положения, для него душа человека — дорогой образ Божий, искупленный дорогой ценой. Как был наш о. Иоанн. Его книга «Моя жизнь во Христе» — у меня настольная. Очень люблю наших отечественных отцов Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова. И, конечно, не упуская хотя понемногу ежедневно читать Библию, Евангелие, Апостолов. Толкование на Ев. Феофилакта, Исаака Сирина. Сильно на меня действует Симеон Новый Богослов, Авва Дорофей и др. Не сразу, то оттуда, то отсюда, это так успокаивает душу, наводит на всю твою внутреннюю жизнь свет, в чем виноват и как далеко я от истинного пути Христова — смирения. Мне из Валаама теперь уже покойный Н. прислал книгу — сборник об Иисусовой молитве, и со слезами умолял меня по ней учиться этой молитве, без которой невозможно встретиться здесь на Земле со Христом. В этой книге все есть вкратце, можно сказать квинтэссенция всех древних Отцов и до наших дней, выбраны места именно об этом внутреннем делании, с самих азов, и указаны все неправильности и ненужные страхи и т. д. Написана замечательным простым языком, интересным собеседованием двух духовных лиц. Мирского священника, который и понятия не имел об ней, думая, что это дело одних монахов, и отвечающего ему на все вопросы иеромонаха, по всему видимо опытного и на деле достигшего непрестанной внутренней молитвы.

А я, окаянная, столько имела к тому повода, и просто наглядно враг отводит от самой ненавистной ему молитвы. То какой-то страх, лень, непонимание. В юности у меня было слишком ясное откровение о ней, и я стою на точке неподвижности, вот как ожесточил враг мое сердце. Моя последняя почти смертельная болезнь не была ли бичом, чтобы я опомнилась и начала серьезно приступать к ней.

Для этого у меня много вопросов: как же с другими правилами, канонами, кафизмами, псалтирь я очень люблю, акафисты. Пока все

это вычитаешь, глядишь, нет времени, и я прихожу в тупик — как быть. Ночью я не могу вставать по болезни, а, может, и по неверию. Читаю я долго, но без этого не могу, это у меня привычка с детства. По немощи и молитвы, и правила, и чтение — все совершаю в постели, но не в этом дело, где будет лежать тело, а вот где помыслы и сердце, там никакое место не ограничит. Простите, ради Бога, за многословие. Я не думала, столько напишу... Очень прошу св. молитв за проскомидией. Я теперь по болезни бываю редко не только у Гроба Господня, но и в своем храме...

С любовью во Христе

нед. [достойная] мон. [ахиня] Викторина.

Дата неизвестна

Дорогая мать Викторина!

Привел, наконец, Бог списаться. Слышал о вашей болезни и о том, как вам бывает грустно и одиноко вдалеке от родных мест. Мы здесь все молились за вас и надеемся, что Господь укрепит ваши душевные и телесные силы. Спасибо вам, что в святых местах не забываете близких, маму, меня. Рад был чем-нибудь быть вам полезным. Может быть, связь с отечеством будет вам приятна.

Много лет уже несете вы свидетельство верности Господу и Церкви. Годы и болезни вынуждают теперь оглядываться назад и все оценивать. Вы должны благодарить Бога, что Он дал вам пронести свой огонек по темным дорогам жизни. Ведь все мы как девы со светильниками из евангельской притчи. «Се Жених грядет»... Нет у нас своего елея, но что у нас вообще свое. И добро, и трудности — все от Него. Благодарить надо, что дал силы стоять. А что вокруг темнота, удивительно ли это? Впрочем, хочу утешить вас: не думайте, что вера так уж пала. Она стоит, как и всегда. Ведь во все времена было много искушений и зла. Вот вы приводите имена святителей, а разве им было легче? Вспомните жития Златоуста или Филиппа митрополита. Ведь все их скорби от своих же проистекали. Но, как говорится, «чем ночь темней — тем ярче звезды». Нам не обещал Господь слишком легкого пути. Но и Он говорил о несокрушимости истины.

Вы говорите: растут секты, ищут люди чего-то нового. Но ведь в этом и наша вина, а с другой стороны — что свидетельство неумиряющей потребности в духовной жизни. Когда человек ищет,

Господь слышит его. И думаю, что ничто доброе не пропадет даром. Так было и в первые века, так и сейчас. Дело не всегда во внешней принадлежности к той или иной Церкви. Ведь и Иван Грозный, который осудил Филиппа, и патриарх Феофил, осудивший Златоуста, были православными. Конечно, прискорбно, что мы не можем увлечь людей своей верой. По некоего винить тут, кроме нас самих. А спасение душ — тайна Божия. «Дух дышит где хочет». Господь иначе судит, нежели мы. Верно и то, что истина всегда в утеснении, но этого мало. Бывают разные верования, которые тоже гонимы. Вот сейчас в Китае истребляют конфуцианцев. Конечно, все им сочувствуют, но это не значит, что у Конфуция истина. Были гонимы и еретики. А Оптина пустынь дорога нам не тем, что ее притесняли церковные власти, а тем, что в ней был дух любви и широты, который влек к старцам самых выдающихся людей того времени.

Думается, что мы должны не только восхищаться нашим православным прошлым (в нем, разумеется, сокровища неисчислимы), но и понять, что не все было хорошо. Иначе бы стояли православные крепче. Многие происходят именно от недостатков христиан. Жизнь все время предъявляет людям новые требования, становится сложнее и труднее. На одном старом далеко не уйдешь. Евангелие — вечно новый и живой дух, а не что-то готовое, остановившееся, вроде памятника старины. Велик и Иоанн Лествичник, велики и подвижники позднего времени. Но жили они в других условиях, ориентировались чаще всего на людей, не живущих в миру. Поэтому православие должно найти пути живой жизни. Почитайте «Записи» о. Александра Ельчанинова. Вот вечно новая и в то же время старая истина, изложенная на современном языке. Но как у нас мало подобного! Правы вы, говоря, что ответственность за веру несет рядовой член Церкви. Значит, будем просить у Бога сил, внутреннего мира, любви и молитвенного дара.

Споры, которые ведутся между христианами, мало способствуют этому. Столетия распрей показали, что не дают они ничего, кроме ожесточения. А ведь нам сказано, что нельзя приносить жертвы, не примирившись с братом. Я хорошо понимаю ваши чувства, когда вы говорите о католиках. Но ведь не зря же мы молимся о «соединении всех». Это не должно быть пустыми словами. Пока же есть разделение, Бог не даст нам сил. Вы знаете не хуже меня, что у них та же вера в

Триединого Бога и Христа Богочеловека, они чтят Матерь Божию и святых (в том числе и многих наших). Отцы Церкви у нас общие. Их иерархия — апостольская, как и наша, и поэтому наша Церковь признает действительность совершенных ими таинств. Вы сами признаете, что у них есть хорошие люди. (А я добавлю, что и у нас — не одни Иоанны Кронштадтские. Разные есть.) И после разделения благодать их не оставляла. Еп. Феофан высоко ставил писания их святого Франциска Сальского, наш арх. Лука любил Франциска Ассизского и часто говорил о нем в проповедях. Книгу Фомы Кемпийского еп. Феофан тоже ценил, и ее два раза переводили в России. А преп. Никодим Святогорец перевел труд западного подвижника Скуполи «Брань духовная» (ее еп. Феофан перевел на русский под названием «Невидимая брань»). Он же перевел и «Духовные упражнения» Лойолы на греческий для восточных монахов. Св. Иоанн Тобольский ^[95] перевел «Илиотропион», тоже католическую книгу.

Уже этого немного достаточно, чтобы увидеть, что нет такой пропасти между духовной жизнью Запада и Востока, как нам кажется. Конечно, каждый народ имеет свои обычаи, свой душевный склад, свою историю. Но Церковь не может быть однообразной, она живет во всех Формах. То, что Христос основал «на камне», было и есть единое. Разделяют же люди и их грехи. А отцы наши учили, что прежде всего надо видеть — свои. Вы говорите, что они фанатики, потому что «не хотят подчиняться нам». А зачем Церкви подчинение? Разве господствовать нас призвал Христос? Что касается их церковного устройства (папа и т. д.), то это к духовной жизни не относится. Не нам с вами решать эти сложные вопросы. Это может решить лишь Вселенский Собор. А пока он не вынес своего суждения, все особенности (а их немного) западной Церкви остаются «богословскими мнениями» ее членов и иерархии. Для спасения души в духовной жизни важнее другое: вера, молитва, любовь, таинства. Единственная возможность разделенных братьев понять друг друга — это доброжелательно относиться друг к другу. Вы говорите, что не нужно «догматического сближения». Это правда, ибо основы догматов у нас общие, и «сближать» особенно нечего. Их догмат о вознесении Богоматери у нас формально не принят, но в богослужении и Предании он есть. От «Филиокве» они сами готовы отказаться. Остается лишь

примат... Но и здесь есть надежда, что дело прояснится. Вражда же только ослепляет.

Если они к нам не расположены (а я знаю, что это не так: папа, например, обращался к Восточной Церкви, испрашивая прощения за прошлые обиды, напомню и о примирении папы с патриархом Афинагором), то мы должны первые показать дух христианского смирения и любви. Не искать друг у друга слабостей, а скорбеть о собственных немощах должны мы. Только так мы можем надеяться на прощение и исцеление. У каждого народа есть свои праведники и подвижники (тайные и явные), есть и у западных христиан свои исповедники, подлинно духовные учителя и дела христианской любви. Это должно радовать нас, православных, ибо обителей у Отца много. Нетерпимость, ревность, осуждение — нам не к лицу.

Вот сейчас наш поместный Собор снял клятвы со старообрядцев. Они тоже имеют различие с нами в обрядах и в Символе. Они нас не любят. Но как прекрасно, что мы первые протянули им руку! Именно так нужно поступать христианам, а не ждать, пока другие это сделают (даже если они были виноваты века назад). И что говорить? Раз наша Церковь признает таинства западной, значит, по существу, нет двух Церквей, а одна, находящаяся в состоянии плачевного раскола. Преодолевается он лишь любовью.

Простите меня, если я огорчил вас, но обязан был сказать то, что думаю, и уверен, что если вы рассмотрите дело внимательно, присмотритесь к жизни западных святых (в том числе и нового времени — вроде Дамиана де Вестера [96], Бернадетты [97], Максимилиана Кольбе и др.), к писаниям их подвижников, вы увидите, что нас большее соединяет, чем разделяет. Слов нет, велики наши подвижники, но когда к ним прибавляется еще сонм, мы не теряем, а приобретаем.

Гораздо проще дело с календарем. Я знаю, дорогая матушка, с каким временем связаны у Вас воспоминания о спорах вокруг этого дела. Когда новый стиль вводили обновленцы и нужно было ни в чем им не уступать. Но это уже же история, теперь об этом мало кто помнит.

Итак, рассмотрим дело по существу. Что такое «старый стиль»? Его изобрел языческий ученый Эратосфен за три века до Р. Х..., а язычник же Юлий Цезарь ввел его повсеместно. Поэтому ничего

священного и церковного в нем нет. Его придерживались все в империи — и христиане, и язычники.

Владыка Мануил был прав, когда говорил, что нужно следовать постановлениям 318 отцов, но их постановления, дошедшие до нас, касаются в основном канонов и догматов. В. В. Болотов, самый крупный петербургский историк Церкви, писал:

«Относительно определения Вселенского собора о времени празднования Пасхи ничего не сохранилось». (Лекции по истории др. Церкви, Пг, 1918, стр. 26). Но и до I Собора христиане разных стран праздновали Пасху в разное время, что считалось неправильным. О необходимости всем христианам праздновать этот день вместе свидетельствует послание Константина Великого к Собору. Значит, унификация календаря есть дело нужное для единства верных. Сам по себе календарный «стиль» не затрагивает веры в духовной жизни. Это дело астрономов и канонистов, а христиане должны исходить из своих принципов. Не будем же мы из-за чисел враждовать. Ведь тогда, в 20-е годы, дело было не в самом календаре, а в измене обновленцев духу Христову. Впрочем, пусть это все решают люди сведущие. Не об этом нас с вами спросят на Страшном Суде.

Не взывайте за то, что говорил о вещах, для вас неприятных. Но думаю, что вы не осудите меня за откровенность. От души желаю вам мира и твердости. Не забывайте нас в молитвах. Маруся В. и мама вам шлют поклоны.

Ваш прот. Александр М.

11 октября 1974.

Благословите, дорогой о. Александр!

Ваше письмо мне принесли в госпиталь, в котором я пролежала полтора месяца, получила я его перед преподобным Сергием, а на Иоанна Богослова меня выписали домой на 3 недели до второй операции. Простите, дорогой о. Александр! Какое я имею право как монахиня, хотя и последняя из всех, обижаться на Вас. Да, Спаси вас Господи за правильные, справедливые замечания на мои неразумные письма, и притом меня вообще это не должно касаться как стоящее выше моего разума, это удел Богословов, а не простых смертных невежд. Но вы и меня поймете, мое болезненное состояние мозга и моей больной души, столь сильно на меня отразившихся вдали от Родины, и притом тяжелых моральных травмах, это поймет только тот,

кто находится вне родных мест, при трудной, очень сложной окружающей обстановке. Писала я вам под впечатлением частых стычек с этими людьми и моего больного состояния, от бессонных ночей и физических страданий. Теперь я совершенно не реагирую, на все смотрю спокойно, без того болезненного переживания. И что же на меня подействовало? Простое стихотворение какого-то нашего святителя, но имя не указано. Под заглавием «Грешный ропот». Стиль стиха по «ямбам» напоминает Пушкина, столь прост и силен по содержанию; и несмотря на столько имеющихся у меня разнообразного содержания книг, меня поразило и вразумило это стихотворение и успокоило мое мятущееся сердце. Теперь я совершенно равнодушно и без мучительного переживания смотрю на все современные события, совершающиеся на глазах и известные из газет или радио. Идет все так, как попускает промысел Божий. Ненависти и неприязни у меня по милости Божией никогда не было ни к кому, даже к этой католической вере, от которой в нашем роду многие пострадали, и в данный момент при столкновении с бывшими недругами я спокойно к ним отношусь, несмотря на то, что некоторые из наших старых монахинь, которые были близки, т. е. невольно с ними сталкивались, близко по местожительству совместно, так они не могут даже спокойно о них говорить, я часто с ними доказываю обратное, что и среди них много святых. В данный момент к ним приходит один из священников, немец по национальности, а по вере католик, и мы с ним большие друзья, он все время меня навещает в больнице, он очень любит нашу службу, часто бывает у нас и на однодневных приемах. У него очень светлая и хорошая душа, т. ч. не думайте, что я поголовно их отрицаю, но в сущности в глубине души мы с ними не сходимся. По заповеди Христовой, если нужно, я по милости Божией, не от себя, ибо я без Бога и Его помощи ничто и никто, никогда никому не отказывала, невзирая ни на нацию, ни на вероисповедание, но по убеждениям своим, воспитанным с детства, все же я к католикам не пойду. Бог с ними, пусть они в тысячу раз будут святее нас, я православная и молю Бога быть такой же до конца, а это ваше дело, Богословов, что требуется от Вас на сегодняшний день.

С любовью о Христе

гр.[ешная] мон.[ахиня] Викторина [\[98\]](#)

Приложение 2. Письмо сестры Марии из монастыря св. Клары

Монастырь святой Клары. Иерусалим, 6 августа 1974 г.

Многочтимому отцу Александру.

Многочтимый отче!

Позвольте обратиться к вам от моего имени и от имени моих сестер. Уже несколько месяцев, как мы слышим о вас, и с того дня мы усердно молимся о вас, дабы Господь оплодотворил вашу пастырскую работу.

На днях отец Рошко нам любезно показал то письмо, которое вы ему отправили в ответ на его замечания о христианских церквах в Святой Земле, и о трудностях, вызванных встречей Востока и Запада.

Ваш ответ произвел на меня сильное впечатление. Родилась у меня мысль, что именно самые отдаленные по пространству наши братья могут оказаться самыми близкими. Я не ожидала, что бы вы были так хорошо осведомлены о церковных вопросах на Западе, и тому радуюсь.

Да соединим наши молитвы, чтобы тот кризис, который расшатывает современный мир, чтобы этот кризис младенчества нашего современного мира нас довел до зрелого мира и открыл бы для наших Церквей путь к истинному экуменизму, в котором мы оказались бы «едины» во Христе.

Из этих Святых Мест, которые были свидетелями смерти и Воскресения Христа, мы повторно вас просим быть уверенным в наших молитвах и также принять, многочтимый отче, наш глубокий поклон о Господе и о Деве Марии.

сестра Мария, аббатиса ^[99]

Приложение 3. Письмо прот. Александра Меня к N

Письмо отца Александра N

Дорогая.

Хочу и должен объяснить Вам, как я отношусь к вопросу о молитве с инославными христианами. Прежде всего, наша Церковь не возбраняет этого в принципе. Наши иерархи и представители бывают на праздниках в католических храмах и у баптистов. Католики разрешают своим приобщаться в наших храмах, а наша Патриархия в случае нужды тоже допускает к их таинствам. Мы исходим из того, что Господь основал не несколько исповеданий, а единую Церковь, и разделения христиан воспринимаем как грех (молясь о «соединении всех»).

Причины разделения были разными: и различия в душевном складе разных людей и народов, и политические распри, и культурные расхождения. В результате возникли отличия в обрядах и в вероучительных формулировках.

Однако Господь даже это явное зло обратил в добро. Благодаря разделению христианство избежало нивелирования и жесткой однообразной системы. В каждом исповедании (в разной степени) раскрывались духовные дары, были свои праведники и святые.

Таким образом, в развитии Церкви есть общая закономерность: сначала нерасчлененное единство, потом разделение и, наконец, единение на высшей ступени. Эта последняя стадия уже близка к осуществлению (хотя, конечно, по меркам историческим, а не по масштабам индивидуальной жизни).

Завет Господа: «Да будет единое стадо» — цель современного христианства. Но как этому содействовать? Прежде всего — преодолением вражды, желанием понять других при сохранении верности своей традиции. Этому посвящены все формы экуменической работы и служения в мире и у нас в стране. Христиане делают упор на том, что сближает, а не на том, что разделяет.

Раньше каждое исповедание считало, что средство для единства — только прозелитизм, то есть обращение всех в свою

конфессию. Теперь, когда поняли, что нужны другие пути, избрали путь сближения. Разумеется, оно исключает прозелитизм. Он наносит ущерб братскому взаимопониманию и доверию, внушает мысль, будто все хотят друг друга «перетянуть» и ведут тайную пропаганду в свою пользу.

С католиками у нас проще, т. к. все основы у нас общие. С протестантами — сложнее. В частности, если говорить о пятидесятниках, то они нередко утверждают, будто Дух Божий дышит только в их общинах. Между тем, каждый человек, который пережил истинное обращение (в нашей Церкви) может и должен считать себя получившим духовное крещение и дар Духа. Если люди этот дар не развивают, то причина в них самих. Разумеется, негативное отношение к другим мало содействует сближению и братскому сознанию. Но, к счастью, не все члены таких общин (баптистов, пятидесятников и др.) держатся подобных непримиримых взглядов.

Что же препятствует духу экуменизма? Еще раз повторю: те случаи, когда люди, побывав у инославных, разрывают братское и евхаристическое общение со своими. Это и измена по-человечески, и акт, направленный против Христа, против Его воли. Это вносит разделения, смуты, соблазны, отбрасывает дело единства назад в века соперничества, упреков, борьбы и поношений.

Поэтому для своих прихожан я не считаю допустимым общаться в молитве с теми конкретными общинами, которые не соблюдают строгого экуменического принципа и правила: «никакого прозелитизма». Как там в других странах — я не знаю. Но у нас это так.

Человек, бросающий свою церковную общину (ссылаясь на личные вкусы, на прочитанное в книгах, на недостатки церковные и пр.) является пусть и невольным — но врагом дела Христова.

Всегда нужно помнить, что в Евангелии от Иоанна нам сохранена одна из немногих молитв Спасителя, выражающих Его глубинные желания, Его волю. Это «первосвященническая молитва» в ночь перед Голгофой: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». Мы еще далеки от того, чтобы осуществить эту волю Господа, но должны всеми силами к этому стремиться. И все, что препятствует Его воле, есть для нас грех.

Вот почему обязательным условием общения с инославными является неукоснительное соблюдение ими (и нами) указанного важнейшего экуменического принципа.

И последнее: как быть, если видишь у инославных христиан нечто воистину достойное и прекрасное (горячую веру, живую молитву, чистоту жизни, общинность)? Ответ один: благодарить Бога за этих людей и молиться о том, чтобы и мы умножали в своей среде эти черты и дарования.

Прот. А. Мень

Приложение 4. Письмо прот. Александра Меня к Крестосу Самре

Письмо прот. Александра Меня к Крестосу Самре

22 августа

Дорогой м. Крестос Самра!

Давно хотел написать Вам, но ждал письма от Вас, потому что не совсем понимал Ваши идеи и Ваш путь. Спасибо за подробное письмо, которое Вы написали отцу Всеволоду и которое он любезно переслал мне.

Должен сказать, что был приятно удивлен, узнав, что Вы считаете эфиопское христианство таким же православием. В нашей стране это совсем не так очевидно. Многие считают Эфиопию чем-то весьма экзотическим и местным. Хотя в последнее время начались тесные контакты. Эфиопские студенты учились в наших богословских школах, приезжал с визитом Патриарх и состоялись беседы. Некоторые богословы не доверяют дохалкидонским Церквам, которые сейчас называются древневосточными Церквами. Но мало-помалу устанавливается взаимопонимание. Как показали недавние встречи, догматические расхождения могут быть полностью преодолены. Здесь многие полагали, что специфический дух Эфиопской Церкви отличается от Православия.

Но Вы находите, что здесь существует глубокое родство. Это очень важно. Значит, братское единение делает свое дело не только в диалоге Востока и Запада, но и в среде самого Востока.

1. О. Всеволод прав, говоря, что дух простоты существует также и среди католиков. Но ему препятствует техническая цивилизация Запада. Я полагаю, что то, чего Вы ищете, жаждут и многие на Западе. Вы нашли свой путь. Конечная цель — единство, взаимное обогащение. Технизированный характер мышления католиков и протестантов может отчасти измениться под влиянием контактов с Востоком.

2. То же самое можно, вероятно, сказать о чистоте. Хотя каждая Церковь должна оставаться сама собой, их единство будет содействовать высокой цели, к которой мы стремимся: поставить

жизнь и мышление под знак заветов Христа. Мы, люди Востока, можем также поучиться у Запада. Строгость и порядок, точная разработка методов духовного делания и мышления так же важны, как спонтанное... богопочитание: одно дополняет другое.

3. Это, увы, исторические трудности Востока. Здесь, вероятно, лучше всего воспользоваться примером Запада. Я согласен с Вами в том, что внешняя слабость не позволяет «использовать» религию, но должен сказать, что доля «квиеизма», которая нам присуща, в некотором смысле опасна. Здесь также возможна гармония лишь на путях экуменизма.

4. То, что Вы пишете о чувстве церковного единства, которое Вы обрели на Востоке, удивляет меня и радует. Я говорю — удивляет, потому что Восток всегда был несколько провинциален. И особенно Эфиопия с ее различными местными традициями. Значит, византийский дух, который сформировал эту Церковь, еще не иссяк, и в Африке существует живое понимание и ощущение вселенскости христианства. Это особенно ценно, потому что Эфиопия — одна из самых древних христианских стран.

5. Я всегда считал, что главным препятствием единству являются различие национальной психологии и культурные традиции. Если в этой непробиваемой стене появляются трещины, то это означает, что «приблизилось Царство Божие». Будем молить Бога, чтобы этот новый дух утвердился в Эфиопии и преодолел чувство изоляции, столь свойственное Востоку. Все это — дивные дела Божии. Несмотря на всю нашу ограниченность, изоляцию и слабость, Бог посылает в пустыню свежий исцеляющий ветер.

Если у Вас есть время и желание, напишите мне, что Вы делаете, как Вы трудитесь (судя по Вашему письму, у Вас много работы), какова вообще ситуация в эфиопской Церкви. Я хорошо знаком с внешней ситуацией (многие представители нашей Церкви ездили туда), но мне бы хотелось иметь «взгляд изнутри». В этой связи я хотел бы узнать о духовной жизни, особенно в монастырях. В наше время особенно важна проблема православной аскетики. Но это сокровище в значительной мере скрыто «за семью печатями»: существует много спорного, неясного и нерешенного. Интересно знать: чем руководствуются и как живут монахи и все ревнители религиозной жизни в Эфиопии. Как отразилось нынешнее положение в стране на

Церкви, только что вышедшей из «Константиновой эры». По-видимому, близится отделение Церкви от государства.

До свидания. Жду от Вас письма. Привет и Божие благословение из России.

А. Мень

Алексей Юдин. ОБ ОТЦЕ ВСЕВОЛОДЕ РОШКО

Родившись в Москве 18 мая 1917 г. в семье кадрового морского офицера, Всеволод Рошко был в младенчестве увезен родителями из революционной России.

Путь их исхода пролег через Японию в США, где они прожили около двух лет. Наконец семья Рошко обосновалась в Париже, где будущий священник провел все предвоенные годы. Там он, последовав примеру своего старшего брата Георгия, нынешнего настоятеля Свято-Троицкого русского католического прихода в Париже, присоединился к Католической Церкви. Выбор духовного призвания приводит его на философский факультет, руководимый отцами-доминиканцами, а затем, в 1942 г., его приняли в Папскую коллегию «Руссикум». Но из-за войны Рошко был вынужден остаться в Париже, живя в русском интернате св. Георгия и посещая лекции в Католическом институте.

В 1945 г. Всеволод Рошко все-таки попал в «Руссикум», и в следующем году его рукоположили в священный сан. Дальнейшие годы его жизни во многом типичны для священников «русской миссии» в эмиграции. Будучи студентом «Руссикума», он работал в лагерях для интернированных русских в Италии. В 1948-м его направили в Аргентину к о. Филиппу де Режику для пастырской работы в русском католическом приходе в Буэнос-Айресе. Оттуда путь о. Всеволода лежал в Чили, но в 1952-м он вновь оказался в Париже. Видимо, уже тогда у него начали формироваться определенные аскетические настроения, и на некоторое время он присоединился к монашеской общине «Малых братьев Иисуса» в пустыне Северной Африки. Но подорванное тяжелой болезнью здоровье не позволило ему долго оставаться в суровых условиях пустыни.

Отчасти под влиянием своих бесед с братом о положении православных на Аляске о. Всеволод, получив разрешение из Рима, перебрался на далекий остров Диомида (США), расположенный в непосредственной близости от советской границы. Избранный им аскетический образ жизни приходилось сочетать с пастырскими

обязанностями, поскольку местное православное население подолгу оставалось без пастырской опеки. О. Всеволод построил небольшую часовню и домик при ней. Постоянным его призванием на этой земле вблизи советских рубежей была молитва за Россию. Но вскоре американские военные власти дали понять, что его присутствие в пограничной зоне нежелательно, и о. Всеволоду пришлось перебраться на материк. На Аляске он провел в общей сложности около десяти лет, пока нелегкий для его слабого здоровья уклад жизни не вынудил его уехать.

В 1968 г. о. Всеволод переехал в Иерусалим для миссионерской работы в недавно открытом там по инициативе папы Павла VI «Доме для бедных паломников», более известном как «Дом Авраама». В Святых местах он провел последние восемнадцать лет своей жизни. Его служение России продолжилось в общении с многочисленными эмигрантами из Советского Союза, выехавшими в Израиль, и православными священниками на Святой Земле.

Удивительная открытость людям, действительно вселенское церковное мировоззрение, простота, внимание к человеческим нуждам делали о. Всеволода фигурой по-своему уникальной в Иерусалиме — для него практически не было недоступных мест в этом многоязыком и многоконфессиональном городе. Замечательное тому свидетельство прозвучало в надгробном слове о. Всеволоду, сказанном русским православным священником о. Ильей Шмаином: «Потому он объединял всех и снимал все противоречия, разъединяющие нас, что был всегда готов всей душой откликнуться на любой призыв, помочь всем, чем только мог, и через силу, каждому человеку, которого он встречал, будь он русский или еврей, мусульманин или христианин, католик или православный, приверженец Синодальной Церкви или Московской Патриархии. Это горение души, пламень истинной Христовой любви и освещал и собирал вокруг него всех, кто знал отца Всеволода. Это и делало его таким исключительным. Ведь отец Всеволод был единственным человеком в Иерусалиме, а значит — и во всем мире, которого можно было увидеть в один день и в католическом монастыре, и в греческой патриархии, и на невеяковской кухне у неверующего еврея-художника, — и всюду ему были рады. Он даже обладал — при всей его нищете, непрактичности, слабости — неким

могуществом благодаря способности всех объединять, всем быть нужным».

Постоянный интерес к России открыл для него в общении с эмигрантами из СССР имя о. Александра Меня; о. Всеволод вступил с ним в переписку. Общение этих двух выдающихся людей нуждается в более подробном и компетентном изложении, хотя частичная попытка уже была предпринята в публикации о. Ильи Шмаина (Вестник РХД № 165).

О. Всеволод оказал значительную помощь в библейских исследованиях о. Александра, знакомя его с современными западными экзегетами, внося различные замечания в его работы и подыскивая для него нужную литературу. Дважды о. Всеволоду удалось побывать в России — в конце 1970-х и начале 1980-х годов, и всегда ему помогал в общении с православными священниками искренний и чуткий интерес к жизни Православной Церкви.

Умер о. Всеволод 13 декабря 1984 г. Его похоронили на кладбище монастыря Mater Misericordiae, в котором он провел последние годы жизни. Прощаясь с о. Всеволодом Рошко, о. И. Шмаин сказал над могилой: «...в его лице мы потеряли того, кто был живым примером, живым доказательством возможности объединения Церквей в нашей жизни — через Христову любовь, живущую в душе человека, если человек этот так чист и так полон любви, веры и надежды, как был о. Всеволод».

Непосредственный отклик на его кончину сохранился в переписке о. А. Меня с иерусалимской знакомой А. Н. Цукерман, бывшей долгое время связующей нитью между ним и о. Всеволодом: «Ровно десять лет нашего общения дали мне очень много. Он был истинное евангельское дитя, в самом высоком смысле слова. И Вы без него осиротели. Как бережно смерть убирает все мелкое и преходящее и оставляет чистый облик души, которая так давно созрела для вечности. За два дня до смерти он писал мне, прощаясь, говоря, что относится к смерти «равнодушно», и заботливо, как истинный друг, думая обо мне (специально познакомил Вас с теми, кто сможет мне помочь в работе). [...] Мир его душе! Впрочем, он уже под конец обрел этот мир, как мне кажется, уже здесь [...] Слов нет... Все это, как поэзия заката, ушел, как хотел. Никогда его не забудем. [...] В диалоге с ним я многое сам себе уяснил. Это было неповторимое общение».

О. Всеволод Рошко оставил прежде всего удивительный пример христианина, в котором единство Церквей реально жило на глубочайшем духовном уровне. В нем это единство не было ни романтизмом и ни прекраснодушной иллюзией, поскольку о. Всеволод полностью вмещал в себя и осознавал всю трагичность исторического разделения христиан. Но в нем самом любовь действительно «покрывала все».

О. Всеволод занимался исследованиями в области русской духовной традиции. Самым известным его произведением является серия агиографических этюдов о преп. Серафиме Саровском. Первоначально они были опубликованы в 1983–1985 гг. в журнале *Plamia*, издававшемся Центром русских исследований Св. Георгия в Медоне (Франция), а после смерти о. В. Рошко вышли отдельным изданием — *Vsevolod Rochcau. Saint Seraphim: Sarov et Diveyevo. Etudes et documents.* (Bellefontaine, 1987). Эта книга была переведена в России и опубликована под заглавием: *Преподобный Серафим: Саров и Дивеево. Исследования и материалы* (Москва, 1994). В этом критическом издании также содержатся интереснейшие материалы о жизни о. Всеволода. Однако первая публикация исследований о. В. Рошко на русском языке вышла еще в 1986–м в издании парижской Славянской библиотеки — журнале «Символ», и называлась «Неизвестный фрагмент «Откровенных рассказов странника»» (№ 15, с. 201–210).

Известно, что о. Всеволод готовил статью о протопопе Аввакуме, но, по всей видимости, она так и осталась неопубликованной. Из других увидевших свет работ о. В. Рошко нам известно только о статье «*Essai d'une lecture chretienne de «la vie apres la vie»*», опубликованной в 1980 г. во французском католическом журнале «*Nova et Vetera*».

---

notes

Примечания

Стоит заметить, что уже в самом начале нашего знакомства о. В. рассказал мне, что в конце Второй мировой войны он и его брат, о. Георгий, вошли в состав группы из 18 католических священников, более или менее знавших русский язык. И после определенной подготовки особым Постановлением Папского Престола им было дано разрешение служить по православному обряду. Эта инициатива явилась ответом на необходимость духовного окормления растущего числа православных среди военнопленных и беженцев из стран Восточной Европы и СССР в лагерях перемещенных лиц в Западной Европе. Так что в случае надобности о. В. предстоял за Литургией и исполнял требы как русский православный священник. Такая надобность возникла теперь в моем случае, и вышло так, что если последнюю Литургию, за которой я причащалась в России, служил о. А. , то первую Литургию, за которой я молилась на Святой Земле, служил о. В.

2

Письмо о. Александра прилагается

Он давал мне эти письма для прочтения, чтобы проверить, понятен ли его русский язык. Однако об исправлениях и тем более о редактуре не могло быть и речи: о. В. казалось, что, исправляя грамматику или синтаксис, я меняю смысл того, что он хотел сказать.

4

Характерное для его русской речи и излюбленное выражение в тех случаях, когда он хотел и мог помочь достаточно известному и уважаемому человеку

В настоящем издании письма приведены полностью и добавлены письма, имеющиеся в архиве Фонда за 1975 г.

6

Речь идет о 70–х годах XX векаПрот. Александр Мень.

Инициатором проведения Недели молитв о христианском единстве был французский католический священник Поль Кутюрье (1881–1953). Переосмыслив задачи ранее существовавшей Октавы молитв о единстве христиан (ставившей своей целью обращение христиан–некатоликов и их возвращение в Католическую Церковь), Кутюрье вывел для Недели молитв новую формулу: «Будем же молиться вместе, чтобы достичь того единства, которого желает Христос и которое наступит, когда Он того пожелает, и будет таким, каким Он его пожелает». С 1935 г. Поль Кутюрье стал ежегодно с 18 по 25 января проводить в Лионе Неделю молитв о христианском единстве. Благодаря деятельности Кутюрье Неделя молитв была принята и в других христианских Церквях и общинах.

Pensum cotidiaum — (лат.) ежедневная обязанность. Здесь и далее корреспонденты (главным образом о. Александр) в большинстве случаев пользуются русской транскрипцией иностранных слов. Это, по-видимому, объясняется отсутствием под рукой машинки с латинским шрифтом.

Кулик Александр — католический священник византийского обряда, протоиерей (1916–1966). Во время II Ватиканского собора был официальным переводчиком при наблюдателях от Русской Православной Церкви Московского Патриархата, а также переводчиком на аудиенциях папы Павла VI. В последние годы жизни служил настоятелем русской католической церкви Пресвятой Троицы в Париже

«Fioretti» — (лат.) «Цветочки», книга полулегендарных рассказов о св. Франциске Ассизском.

Бубер Мартин (Мордехай) (1878–1965) — иудаистский религиозный философ. Речь идет о его книге «Two Types of Faith», London, 1951. (Два образа веры. — М.: Республика, 1995)

Робинсон Джон (1919–1983) — англиканский богослов, исследователь Нового Завета. Его книга «Honest to God» (в рус. переводе «Быть честным перед Богом», М, 1993) вызвала большой резонанс. В ней он предлагает пересмотреть многие христианские понятия, считая, что Церковь потеряла связь с миром.

Речь идет о Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), или Русской зарубежной церкви. Она образована русскими епископами, оказавшимися в эмиграции, во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) в 1921 г. в городе Сремски Карловцы (Югославия). Управление этой Церковью осуществляется Архиерейским синодом. «Карловчане» являются монархистами и противниками всех нововведений.

См. примечания к письму от 8 апреля 1974

Очевидно, имеется в виду отделение от РПЦЗ (1926 г.) части диаспоры, сплотившейся вокруг митрополита Евлогия (Георгиевского). Эта ветвь Русской Православной Церкви, поддерживавшая некоторое время связи с Московской патриархией, в 1931 г. перешла под юрисдикцию Вселенского патриархата.

В данном случае слово «скандал» нужно понимать как «соблазн» (от франц. scandale).

Режис де Гатимель Филипп де (18971955) — священник–иезуит византийского обряда. Ректор Папской коллегии Руссикум в 1934–1949 годах. В последние годы жизни был настоятелем русского католического прихода в Сан–Паулу (Бразилия).

Невё Пи-Эжене (1877–1946) — французский монах-ассомпционист, епископ (с 1926 г.). В 1926–1936 был апостольским администратором в Москве.

Шапталъ Эмманюэль (1861–1943) — епископ–помощник Парижской архиепархии (с 1922), глава благотворительной организации «Union Française d’Aide aux Russes» («Французский союз помощи русским»).

Тиссеран Эжен–Габриэль (1884–1972) — кардинал (с 1937), в 1936–1959 — секретарь Конгрегации Восточных Церквей.

Ассомпционисты — католическая духовная конгрегация во Франции. Получила свое название от франц. Assomption — Успение Божьей Матери.

Официальный печатный орган Ватикана.

Руссикум (Pontificium Collegium Russicum) коллегийум (семинария–общезитие), основанный в 1929 г. папой Пием XI с целью поддержания русской религиозной традиции на территории Советского Союза в годы воинствующего атеизма и сталинских репрессий. «Руссикум» готовил священников для миссии в атеистическом СССР и все, кто готовился к миссии в этом колледже готовы были отдать свои жизни для того, чтобы свидетельства Христовы продолжали звучать в России. Впоследствии так и случилось: двое были расстреляны, двое умерли, семеро были отправлены в лагеря, откуда большинство из них так и не вернулись. Выжить удалось лишь Пьетро Леони, который был арестован в Одессе в 1944 году и был освобожден спустя десять лет, когда на смену Сталину пришел Хрущев и между Востоком и Западом началась слабая оттепель.

Comunicatio in sacris — Общение в таинствах (лат.).

Швайгель Йозеф (1894–1964) — священник–иезуит византийского обряда. Многолетний духовник Папской коллегии Руссикум. Специалист в области восточной литургики, профессор Папского Восточного института и Григорианского университета в Риме.

Андрей Шептицкий (1865-1944) — архиепископ Львовский, митрополит Галицкий, глава Украинской Греко-Католической Церкви (с 1901).

Экуменической Иерусалимской институт — Экуменический институт богословских исследований «Тантур». Открыт в Иерусалиме в 1971 г. совместно с католиками, протестантами и англиканами.

Св. Максимилиан Кольбе — польский священник; во время войны был заключен в лагерь Освенцим, где добровольно пошел на смерть вместо одного из заключенных.

Populus Dei — (лат.) народ Божий

Populus Dei — (лат.) народ Божий

Силлабус — приложение к энциклике папы Пия IX от 1864 г. , в котором осуждаются 80 принципов жизни, не соответствующих учению католической Церкви. Речь идет о стихотворении Ф. И. Тютчева «Encyclica».

Тейяр де Шарден (1881-1955) — иеромонах, французский католический мыслитель и ученый

«Долоризм», от лат. dolor — боль, страдание.

Даниелу Жан (1905–1974) — кардинал, французский католический богослов, библеист, историк Церкви.

Мишель Рике (1898–1993) — французский иезуит, участник Сопротивления (в том числе помогал евреям), был арестован, побывал в Маутхаузене и Дахау.

Действительно непостижимо, что наши страдания или лишения, большие и малые, могут радовать неисчерпаемой полнотой добра (... аскеза — это дело любви и средство), поскольку она дает нам возможность искупить то, что в этом мире и за его пределами нуждается в искуплении. Вновь нам искупать наше чистилище, чистилище, о природе которого и его продолжительности, как и о его напряженности, мы ничего не знаем кроме того, что оно неизбежно. (...) А Святые? (...) Перед тайной святости наш слабый разум отступает. (...) Стоит отметить, что наши святые всегда были примерами уравновешенности и радости. (Жан Порте. «Учиться умирать», издво SOS, 1974, с. 52–54) (франц.).

Не просим ничего, лишь грешника приют,
Последнего пристанища в чистилище Твоем.
Чтоб нам оплакивать все ужасы истории
И созерцать сиянье юное Твое.
Шарль Пеги. Паломничество в Шартр, ок. 1910 (франц.).

Сочинение св. Фомы Аквинского «Итоги богословия», или «Сумма теологии».

Поскольку главная цель этой священной науки — преподать знание о Боге, и не только о том, что Он есть в себе, но и о том, что Он есть как начало и конец [всех] вещей, и особенно — разумной твари, мы, намереваясь изложить это учение, 1) рассуждаем о Боге (первая часть), 2) о движении разумной твари к Богу (вторая часть), 3) о Христе, который, поскольку Он человек, есть путь, по которому мы должны стремиться к Богу (третья часть) (лат.).

«То, что сказал Гермес Трисмегист: «монада порождает монаду и отражает в себе собственную любовь», — следует отнести и к сотворению мира. Ибо единый Бог творит единственный мир из любви к самому себе» (лат.).

Георгий Спасский — священник Парижского прихода на рю Дарю. Подробнее о нем см. в книге воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского) «Путь моей жизни», М, 1994, с. 380–381.

Отец де Фуко, или брат Шарль Иисуса (18581916). Много лет жил в пустыне Сахары среди туарегов. Был убит во время столкновения противоборствующих кланов. Его жизнь и духовность способствовали возникновению двух новых орденов: Малых братьев Иисуса (основатель о. Рене Вуайом) и Малых сестер Иисуса (основательница Магдалена Ютен).

Речь идет о жизни и служении отца Всеволода Рошко на Аляске в течение 10 лет в г. Диллингеме.

Имеются в виду Малые братья Иисуса

Имеются в виду Малые сестры Иисуса

Шура Цукерманн — прихожанка о. Александра Меня. В настоящее время живет в Израиле.

Раули Гарольд (1890-1969) — английский протестантский библеист и миссионер. О его работах см. А. Мень, «Библиологический словарь», т. 3, М., 2002.

См.: Danielou J., Phylon d'Alexandrie, Paris, 1958.

См.: Steinmann J., Job, Paris, 1961.

Концилиум — Concilium, международный богословский журнал, издается на немецком языке с 1964 г.

Тиллих Пауль (18861965) — немецко–американский протестантский богослов, философ и общественный деятель.

Иеремияс Иоахим (1900–1979) — немецкий протестантский библеист и богослов.

Додд Чарльз Гарольд (1884–1973) — английский протестантский богослов, исследователь Нового Завета. Автор книги «The Founder of Christianity», в русском переводе: «Основатель христианства», М., 1993.

Отрывок из Гимна брату Солнцу:
Благословен будь, Боже,
ради сестры нашей телесной — смерти ... (лат.).

Екатерина Генуэзская (ум. в 1510) — святая Католической Церкви. Ей принадлежит мистически-пророческое сочинение «Доказательство чистилища».

Екатерина Сиенская (1347–1380) — святая Католической Церкви.

Конгар Ив (в монашестве — Мари-Жозеф) (1904–1995) — французский монах–доминиканец, кардинал, богослов, специалист в области экклезиологии, пневматологии. Был официальным экспертом на II Ватиканском соборе, впоследствии уделял особое внимание проблемам постсоборного развития Католической Церкви.

Буамар Мари (род. 1916) — иеромонах; французский католический исследователь Нового Завета.

Имеется в виду святая Тереза Младенца Иисуса, или святая Тереза Малая из Лизье (1871–1897).

Шеню МариДоминик (1895-) — французский монах-доминиканец, богослов, историк Церкви. Был экспертом на II Ватиканском соборе и вместе со своим учеником и другом свящ. Ивом Конгаром оказал значительное влияние на принятие многих соборных документов.

На Западе богословие и духовность часто сильно отделены друг от друга: только некоторые стремятся к их взаимопроникновению (...)
На Востоке (...) религиозный опыт является важным составным элементом богословского труда, приложенного к Откровению (франц.).

Front populaire — «Народный фронт» (франц.).

Аксьон Франсез (франц. — Action française) — ультраправая антисемитская организация, основанная в 1897 г. Основатель, Шарль Моррас, — атеист и националист, тем не менее объявил себя защитником традиционных ценностей католицизма. Но с его политической линией, направленной на подрыв существующего в стране порядка, не согласился Ватикан. После нескольких предупреждений 29 августа 1926 г. папа Пий XI официально осудил эту организацию. Она, тем не менее, просуществовала до 1944 г. Активно поддерживала правительство Виши.

Бенуа МорисПьер (1906–1987) — иеромонах, французский католический экзегет.

Св. Герман Аляскинский — православный миссионер в Америке.
Память его празднуется Церковью 27 июля/9 августа.

От лат. слова *a posteriori* — позднейший.

От франц. слова *amateur* — любитель, дилетант.

Речь идет о труде о. Павла Флоренского «Столп и утверждение истины».

Святитель Иннокентий, митрополит Московский — миссионер и просветитель Сибири и Америки. Его усилиями на алеутский язык было переведено Ев. от Матфея, а Новый Завет — на языки северных народов: кадьяков колошей, эвенков и якутов. Канонизирован в 1974 г. Память его празднуется 31 марта/13 апреля и 23 сентября/6 октября.

Индулт — (лат. *indultum* — разрешение) — предоставление специального разрешения со стороны церковной власти на осуществление какого-либо действия или служения, которое в обычных условиях не разрешено каноническим правом.

Moines (франц.) — монахи, основное занятие которых — молитва и созерцание.

Religieux (франц.) — монахи, основное занятие которых — служение. При их монастырях есть обычно больницы, школы, приюты и т. п.

Габриэль Марсель (1889-1973) — французский католический философ-экзистенциалист, драматург и литературный критик.

Имеется в виду о. Вуайом. См прим. к письму от 13 февраля 1975

г

«Humanae vitae» — энциклика папы Павла VI от 25. 07. 1968 о регулировании рождаемости.

Камара Элдер Пессоа (1909–1999) — бразильский церковный деятель, архиепископ Олинды и Ресифи. Один из вдохновителей и организаторов II Ватиканского собора, инициатор различных социальных и благотворительных инициатив в Бразилии, основатель движения «Церковь бедных».

Роже Шютц (1915–2005) — основатель межконфессиональной общины примирения в Тэзе (Франция).

Зейпель (правильно Зайпель) Игнаций (1876–1932) — католический священник, политический деятель, канцлер Австрии в 1922–1924 и 1926–1929.

Стурцо Луиджи (1871–1959) — итальянский католический священник, политический деятель. Основатель Народной партии и международного Христианско–демократического союза.

Блж. Иероним Стридонский (ок. 342–420) — западный отец Церкви, переводчик Библии на латинский язык, получившей название Вульгаты.

По-видимому, имеется в виду Бернард Клервосский (1090–1153)
—основатель католического ордена цистерцианцев.

Дидон Анри–Мартен (1840–1900) — иеромонах, французский католический церковный писатель. Речь идет о его книге «Jesus–Christ»; см. в рус переводе: «Жизнь Иисуса Христа», т. 1–2, СПб., 1892.

Жак Маритен (1882–1993) — французский философ и литератор. Обратился в 1906 г. и стал лидером философов–неотомистов. Играл ведущую роль в движении духовного и интеллектуального обновлении французского католицизма

По-видимому, этот труд написан под влиянием существовавших в то время в самиздате «Литургических заметок» о. Сергия Желудкова; они были опубликованы в Москве лишь в 2003 г.

К сожалению, конец письма не сохранился.

Возможно, здесь опечатка и имеется в виду К. Самра.

Речь идет о книге уже упомянутого англиканского богослова Робинсона Джона «Honest to God», London, 1963.

См. в приложении, в конце книги, письмо о. Александра к Крестос Самре.

Мишна — уставно–канонический сборник иудаистской общины.

Виллебрандс Йоханнес Герард Мария (род. 1909) — кардинал, архиепископ. Один из родоначальников экуменического движения в Католической Церкви. В 1969–1989 председатель Секретариата (Папского Совета) по содействию единству христиан.

Флуссер Давид (1917–2000) — израильский историк религии, кумрановед.

Речь идет о Свято–Сергиевском богословском институте в Париже.

Начало письма не сохранилось. Отцу Всеволоду Рошко принадлежат работы по критическому исследованию источников о преп. Серафиме Саровском. См. его книгу: Преподобный Серафим: Саров и Дивеево. М. , 1994

Петр Иванов (1876–1956). Русский религиозный писатель. Очевидно, имеется в виду его книга «Тайна Святых» — Париж, 1919. 602 с. (Репринт — М.: Паломник, 1991).

Иоанн (Максимович) (1651–1715) — основатель первой в России духовной семинарии. Став митрополитом Тобольским, много сделал для распространения христианства в Сибири.

Дамиан де Вестер, блж. (1840–1889) — бельгийский миссионер, священник; работал в лепрозории на острове Молокаи (Гавайи). Умер от проказы.

Мария Бернарда Субиру (1844–1879) — святая Католической Церкви. В 1858 г. удостоилась 18 явлений Богородицы в гроте Массабьель около Лурда.

23 ноября 1974 г. мать Викторина скончалась на 57 году жизни.

Перевод. Подлинник письма — на французском языке.